

Александр Ханин

Гессенская волчица

16+

Александр Ханин
Гессенская волчица

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ханин А.

Гессенская волчица / А. Ханин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Предлагаемая читателю книга относится к жанру альтернативной истории. Человеческую историю часто представляют как огромную и переплетающуюся паутину событий. По воле автора в далёком 1895 году случилось событие, которое послужило переломным моментом для истории России. За этим событием лежит прошлое, впереди — бесконечные перекрещивающиеся нити последствий и результатов. Эта книга расскажет о том, какой могла стать Россия, если бы...

© Ханин А., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	56
Глава 9	61
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пролог

1-е апреля 1895 года. Великая суббота, последний день Страстной недели. Несмотря на то, что ночью было морозно, день выдался необычайно тёплым. Послеобеденное солнце первыми весенними лучами согревало серый мрачный Петербург, ещё не опомнившийся от долгой зимней спячки. Малолюдные с утра улицы наполнились, было, экипажами и прохожими, но затем быстро опустели. Одетые ещё по-зимнему питерцы спешили попасть к себе домой, столичные «лихачи» пролетали на быстроногих рысаках, деревенские «ваньки» чинно восседали на своих одноконных пролётках. Вагоновожатые конки звонили в колокол, будоража зазевавшихся пешеходов.

В этот весенний день старшему офицеру эскадренного броненосца «Сисой Великий» исполнилось двадцать девять лет.

Самый молодой в русском флоте капитан 2 ранга, Великий Князь Александр Михайлович, был любимцем всей Императорской Фамилии.

Восемь месяцев назад, в июле 1894 года, он женился на своей двоюродной племяннице Великой Княжне Ксении, родной сестре ныне царствующего Императора. Подаренный молодожёнам дворец на набережной Мойки перестраивался, и потому они пока «ютились» в Зимнем дворце. Сам же Император Николай Александрович с молодой женой временно жил в Аничковом дворце, под неустанным взором вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны.

Николай Второй был с детства дружен с Сандро, который, несмотря всего на двухгодичную разницу в возрасте, приходился ему двоюродным дядей, а вот теперь стал ещё и зятем.

Отстояв обедню в дворцовой церкви, императорская чета отправилась в Зимний дворец, в гости к имениннику. Парадные ворота Аничкова дворца распахнулись, часовой Преображенского полка бодро взял «на караул». Большая императорская карета, сопровождаемая эскортом казаков Конвоя Его Величества, выехала на Невский проспект и последовала в сторону Зимнего дворца.

Императрица из-за беременности не очень хорошо себя чувствовала. Она зябко куталась в меховой жакет, как будто пыталась согреться, хотя в карете было довольно тепло. Николай, видя это, старался как-то отвлечь жену.

– Знаешь, Солнышко, – сказал он, – давно не чувствовал себя таким свободным, как сегодня. Докладов не принимал, читать, к счастью, тоже ничего не прислали. Вернёмся сегодня домой, обязательно выйду в сад, прогуляться. А ты тем временем сможешь заняться покраской пасхальных яиц... Нет, всё-таки это очень несправедливо, когда у одних так много свободного времени, а другие до поздней ночи должны читать скучные доклады и прошения... Иногда искренне завидую нашему милому Сандро, у которого всего-то забот – его новый броненосец, пьяные матросы и моя прекрасная сестра.

Император говорил по-английски, вставляя русские слова. Александра Фёдоровна успешно осваивала русский язык, но пока что стеснялась говорить по-русски, и потому с мужем и придворными в основном изъяснялась на английском или французском.

Сидящий рядом с Николаем флигель-адъютант граф Иван Воронцов-Дашков, друг детства и участник юношеских забав молодого Императора, не удержался от шутиливой реплики.

– Государь, – отозвался он, – кесарю кесарево, как говорили наши предки. Вашему Величеству – царствовать, Сандро – муштровать его матросов, а уж мне, как истинному гусару, служить и кутить...

Говорил граф тихо, улыбаясь одними глазами, постукивая пальцами по эфесу гусарской сабли в такт движения кареты. Из-за врождённого порока шеи граф не мог повернуть голову в сторону Императора, и потому ему приходилось поворачиваться всем туловищем.

– И ты, Брут, – грустно констатировал Император. – Вам тяжело понять, что значит быть царём...

Задумавшись на мгновение о чём-то своём, Николай тяжело вздохнул и добавил:

– Эх, друг мой Ваня, после смерти незабвенного Папá не могу никак привыкнуть к тому, что теперь на мне – вся Россия. А опереться на кого? Аликс, Мама́, Сандро, ты, граф Илларион Иванович... Пожалуй и всё! Мои министры по десять лет сидят на одном месте и уже забыли, зачем их назначали. Родственники? Наш Мишка¹ ещё шалопай, а Джоржи² безнадежно болен. Дядя Алексей ничего не хочет знать, кроме своего флота, который он, кстати, почему-то считает не моим флотом, а именно своим, и кроме Зины Богарне.³ Дядя Павел уже давно занят прелестной «Мамой Лелей»⁴ и времени на службу у него не остаётся. Дядя Сергей губернаторствует в Москве... А всё бремя власти лежит на мне, и я бы сейчас многое отдал, лишь бы...

– Ники, – флигель-адъютант доверительно перешёл на «ты», – что мешает тебе вернуть Сергея Александровича в столицу? Все знают, как он предан тебе и престолу. Да, он строгий и требовательный, можно сказать, даже сухой человек, без лишних эмоций, но всего за четыре года он сумел навести в Москве порядок. А ведь говорили, что это невозможно. Кто, как не он, может быть для тебя лучшим помощником в деле управления государством? Да и Елизавета Фёдоровна была бы рядом...

– Ваня, но ты же понимаешь, что покойный Папá уже расставил всех по своим местам. И как я могу теперь сместить дядю Владимира с должности Главнокомандующего? Ты можешь себе представить, что устроит дражайшая тётя Михень⁵? Дядя Алексей устраивает грандиозные скандалы, стоит только заикнуться относительно финансирования флота, кораблестроения или производства флотских офицеров... Они – братья Папá и я не могу им перечить. Если Папá доверил им их должности, то как могу я перечить его воле? Он был настоящим царём, воплощением русского самодержавия...

Императорский кортеж достиг Казанского собора. Император и Воронцов-Дашков ограничились тем, что трижды перекрестились. Александра крестилась и истово шептала про себя молитву, которой её научил протопресвитер Иоанн Янышев.⁶

Копыта царских рысаков мерно стучали по мостовой Невского. Кортеж двигался не спеша, и если бы не лейб-трубачи и конвойцы в нарядных тёмно-синих черкесках и высоких лохматых папахах, то ничто бы не привлекало внимания прохожих.

Молодой Император не любил пышных церемоний, а ещё больше он не любил опеки со стороны охраняющих его лиц. Считалось, что с бомбистами-народовольцами давно уже покончено и что царственным особам ничего не может угрожать. Именно поэтому сегодня императорскую карету сопровождал всего взвод конвойцев, а порядок на Невском проспекте обеспечивали лишь городовые, становившиеся «во фронт» при приближении царского кортежа.

Александра Фёдоровна обратилась к мужу:

– Ники, я сегодня обратила внимание на компаньонку Её Величества, которая присутствовала на нашем завтраке. Мне кажется, она такая дряхлая, что может развалиться, но она так безупречно одета... Её белые перчатки просто ослепительны!

– Ты про Mademoiselle de l'Escaille? О, это замечательная личность. Это бывшая гувернантка Мама́, бельгийка. Она всегда желанный гость в нашем доме. Ты не смотри на её пре-

---

¹ Великий Князь Михаил Александрович.

² Великий Князь Георгий Александрович.

³ Скобелева Зинаида Дмитриевна, графиня Богарне, герцогиня Лейхтенбергская.

⁴ Пистолькорс Ольга Валериановна.

⁵ Великая Княгиня Мария Павловна.

⁶ Янышев Иоанн Леонтьевич, протоиерей. С 1883 г. заведующий придворным духовенством, протопресвитер соборов: Большого в Зимнем дворце и московского Благовещенского. Духовник Императорской семьи.

клонный возраст, Аликс... Она всегда любит хорошо поесть и выпить, а уж от игры в преферанс её силой не отгонишь.

Николай увидел в окно кареты, как от дверей мебельного магазина «Братья Тонет из Вены» к карете бежит какой-то молодой человек в явно дорогом тёмном пальто и меховой шапке, держа в правой руке коричневый саквояж.

Бегуна с саквояжем уже заметили казаки-конвойцы и городовые. Ехавший справа от кареты казак повернул коня на бегущего молодого человека, но тот уже остановился, размахнулся... и коричневый саквояж полетел в сторону кареты. Кто-то из городских стал свистеть в свисток, а метатель резко развернулся и бросился бежать прочь. Саквояж упал на мостовую, прямо под ноги казачьего кабардинца, рядом с задним колесом царской кареты. Раздался оглушительный взрыв, грохот бьющегося стекла и визжание лошадей.

Казак, пытавшийся перехватить бомбиста, был просто разорван взрывом вместе с конём. Кровавые ошмётки разлетелись вокруг на много метров.

Спешившиеся конвойцы подбежали к повреждённой карете. Оглушённый взрывом Император сидел, откинувшись назад. Полы его чёрного флотского пальто превратились в ключья, а правая нога ниже колена – в кровавое месиво. Александре Фёдоровне осколком стекла порезало щеку, и теперь она судорожно растирала перчаткой кровь по лицу, будучи не в состоянии вымолвить ни слова. Оглушённая взрывом, испуганная и потрясённая, она ничего не замечала вокруг себя, тупо глядя в одну точку.

Труп графа Воронцова-Дашкова был отброшен к левой двери, ярко-алая кровь из сонной артерии, перебитой кинжалообразным осколком стекла, обильно орошала тёмно-синюю венгерку.

Дюжий рыжебородый казак-конвоец бережно извлёк Императора из кареты. От боли Николай на мгновение потерял сознание, но быстро пришёл в себя. Его поместили в пролётку, которая остановилась рядом с повреждённой царской каретой. Во вторую пролётку, остановленную самолично командиром Конвоя бароном Мейендорфом,⁷ усадили Императрицу. Император буквально выдавил из себя, сжав зубы:

– Во дворец!

Барон Мейендорф не стал переспрашивать, желает ли Император ехать в Зимний дворец или же вернуться в Аничков, он просто сел в пролётку рядом с Николаем. Во вторую пролётку рядом с Императрицей сел казак. Конвойцы заняли места кучеров, и экипажи быстрой рысью направились в сторону Зимнего дворца, сопровождаемые всадниками.

Тем временем бомбист уже успел застрелить городского, пытавшего схватить его, и теперь, как загнанный в угол зверь, прижался спиной к стене, выставив перед собой короткоствольный револьвер. Шапка слетела с его головы, и теперь всем окружающим было видно, что это молодой человек примерно двадцати пяти лет. Чёрные вьющиеся волосы и чёрные глаза, не расширяющееся кверху узкое лицо, всё это выдавало его еврейское происхождение.

Городовые, все люди в возрасте, степенные и осмотрительные, держались от бомбиста на приличном расстоянии, направив на него револьверы, но при этом пугливо озираясь на труп своего коллеги, лежащий на мостовой. Бомбист явно паниковал и направлял револьвер то в одну сторону, то в иную, но никто из городских не решался выстрелить первым. На одной линии с городскими собралась толпа самого разнообразного люда, в пальто и поддёвках, котелках, фуражках и шапках. Какой-то верзила в картузе с поломанным козырьком и с кнутом в руках, явно в состоянии лёгкого подпития, обратился к толпе, показывая пальцем на бомбиста:

– Православные, да это же жид! Хриstopродавец!

И в это время где-то там, в стороне, раздался истошный бабий вопль:

---

⁷ Барон Мейендорф Александр Егорович, полковник. Флигель-адъютант. Командир Собственного Его Императорского Величества Конвоя (1893).

– Царя убили!!! Царя убили!!! Аа-а-а-а!!!

На какое-то мгновение наступила гробовая тишина... Тишину нарушил верзила.

– Жиды убили царя!!! Бей его, православные! – крикнул он, добавив пару исконно русских словечек, и смело пошёл на бомбиста.

Террорист отреагировал мгновенно. Раздались выстрелы, и две пули, выпущенные из «Бульдога» 450-го калибра,⁸ отбросили верзилу назад. Он упал спиной на мостовую, широко раскинув ноги и сжимая кнутовище.

Но толпу уже было не удержать. С криками, с матерной бранью, люди сплошной волною рванули вперёд. Бомбист выстрелил в надвигающихся людей, не целясь, но это уже никого не испугало и не остановило. Понимая, что через считанные секунды толпа его просто разорвёт, террорист вставил ствол револьвера в рот и нажал спуск. Тупоголовая пуля, выброшенная зарядом доброго английского пороха, снесла череп, ошметки мозга испачкали стену, и бездыханное тело грохнулось на мостовую. Разъярённая толпа остановилась у трупа, не зная, что делать дальше.

Движение по Невскому проспекту было парализовано, с обеих сторон столпились кареты, пролётки, экипажи. Образовался затор, который становился всё больше и больше. Полиция была не в силах навести порядок и восстановить движение. Народа около императорской кареты становилось всё больше и больше.

Люди были взбудоражены произошедшим, а в толпе уже раздавались призывы отомстить евреям за царя-батюшку. Эти призывы не остались не услышанными.

Какой-то черноволосый студент Технологического института, волею судьбы оказавшийся в это время на Невском проспекте, напрасно пытался втолковать двум дюжим извозчикам, что он крещёный, что он православный. Извозчикам, которые уже успели где-то выпить, неважно было, иудей он или выкрест, у них в деревне и слов то таких не знали. Для них он был обычным жидом, одним из тех, которые продали Христа и хотели убить царя... Один из «ваньков» с размаху сбил со студента фуражку, второй ударил под дых. Упавшего студента били долго и озлобленно, пока тот не затих на мостовой.

Наиболее активные «народные мстители» уже били витрины магазинов. Первым пострадал шикарный магазин готового платья Торгового дома «М. и И.Мандль», который в разъярённой толпе почему-то объявили еврейским. Его владелец, австрийский подданный Людвиг Игнатъевич Мандль, который пытался остановить погромщиков, отделался ссадинами на лице и двумя поломанными рёбрами, но сам магазин был разграблен до основания. Затем пострадал роскошный магазин «Ф.Трейдман». Толпа горела праведным желанием отомстить за покушение на Государя, и на Невском проспекте начался стихийный погром торговых заведений, которые имели вывески с иностранными фамилиями их владельцев.

Беспорядки быстро перекинулись на иные районы столицы. Магазины, аптеки, фотоателье, лавки, мастерские... Роскошные витрины с надписями на французском языке и медные вывески-таблички у парадных сослужили плохую службу своим хозяевам, ибо погромщики высматривали еврейские фамилии. Или созвучные им...

Приказчик Торгового дома «О'Гурмэ» тщетно пытался объяснить толпе, ворвавшейся в магазин на Большой Морской, что его хозяин вовсе не еврей, а истинно русский купчина Александр Николаевич Рогушин. Ревностный защитник хозяйского добра получил пару оплеух, а привезённые из Парижа и Остенде устрицы, лангусты и омары, английская баранина и московские молочные поросята, дорогие заграничные вина – всё это было разграблено, стремительно и беспощадно...

---

⁸ Револьвер *Webley № 2 British Bull Dog* образца 1878 года (11,43 миллиметра).

Глава 1

В Зимнем дворце как раненый тигр метался министр Императорского двора граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Известие о покушении на Императора и гибели старшего сына Ивана ошеломило его, но не выбило из колеи. Когда казаки занесли лежащего на бурке раненого Николая II, министр, не мешкая ни минуты, приказал вызвать медиков и перенести Императора в Малахитовую гостиную. Императрицу хотели отвести в покои Ксении Александровны, но она решительно отказалась уходить из гостиной, где находился раненый муж, и теперь перепуганная фрейлина помогала ей вытереть кровь с лица.

Лейб-хирург Гирш,⁹ всегда медлительный до невозможности эстонец, довольно сноровисто разрезал на царе одежду и сделал ему инъекцию морфина. Осмотрев Императора, обработав культю правой ноги, он сразу же понял, что высока опасность гангрены, и потребовал срочно вызвать двух лейб-хирургов, Вельяминова¹⁰ и Круглевского.¹¹

Министр двора тем временем приказал оповестить о покушении на Николая членов Императорской Фамилии и усилить охрану Зимнего дворца. Прибежавший запыхавшийся гоф-фурьер сообщил, что его требует к себе Император.

Граф зашёл в гостиную. Император лежал на топчане, над ним склонилась заплаканная Александра Фёдоровна. Рядом стояли Великий Князь Александр Михайлович и Ксения. Лейб-хирург Гирш стоял, как статуя, нервно заламывая руки. Прислуга молча застыла у стены.

– Илларион Иванович, – слабый голос Императора звучал приглушённо, – пусть нас все оставят, кроме Аликс. У нас мало времени, а мне нужно так много отдать распоряжений...

– Государь, крепитесь, с Божьей помощью Вы обязательно выздоровеете. Вон и Густав Иванович уверен, что всё обойдётся... Государь, сейчас крайне необходимо, чтобы около Вашего Величества постоянно находились медики, чтобы они определились относительно методов лечения.

– Дай то Бог, – ответил Николай, – но я не могу рисковать. Я не чувствую своих ног и боюсь, что мне уже никто не поможет. Потому не будет терять времени. На мне лежит слишком большая ответственность, и меня никогда не простят, если я уйду, не исполнив свой долг.

Он говорил по-русски, и Императрица, раздавленная всем произошедшим, плохо понимала, о чём идёт речь. Министр попросил присутствующих выйти из гостиной. Ксения Александровна, Гирш и прислуга беспрекословно пошли к двери, но Сандро упрямо остался стоять около Императора.

– Ваше Императорское Высочество, ради Бога, не перечьте Государю, – обратился к нему министр. – Оставьте нас...

Великий Князь немного замешкался, но затем медленно вышел из гостиной.

Николай тяжело дышал, лоб был покрыт испариной, которую Александра периодически вытирала полотенцем.

– Илларион Иванович! Я хочу, чтобы Вы немедленно вызвали сюда, ко мне, дядю Сергея из Москвы. И чтобы как можно скорее здесь были великие князья... Павел Александрович, Николай Николаевич и Константин Константинович. И где...

Дыхание царя участилось, лицо исказилось от нестерпимой боли, но он сделал усилие над собой:

---

⁹ Гирш Густав Иванович, тайный советник. Лейб-хирург Двора Его Императорского Величества (1874).

¹⁰ Вельяминов Николай Александрович, коллежский советник. Почётный лейб-хирург Двора Его Императорского Величества (1894). Врач Императорской Главной Квартиры.

¹¹ Круглевский Николай Александрович, коллежский советник. Почётный лейб-хирург Двора Его Императорского Величества (1881). Эстраординарный профессор Императорской Военно-медицинской академии (1891).

– Где Манзей ¹²? Он мне нужен здесь...

– Государь, – ответил министр, – все необходимые распоряжения мною уже даны. Сергею Александровичу уже телеграфировали о произошедшем, и я думаю, что завтра к вечеру Его Высочество уже будет в Петербурге. Вдовствующая Императрица, а также все великие князья уже оповещены о случившемся. Манзей во дворце, я приказал усилить охрану Зимнего.

– Нет, Илларион Иванович... Поставьте около дверей часовых, хоть казаков, хоть гренадеров... Но около себя я сейчас хочу видеть только тех, кого я перечислил... Больше никого не пускать.

– А как же вдовствующая Императрица? – удивлённо спросил министр.

– Мама, разумеется, пусть войдёт, но больше, чтобы никого... Особенно это касается Алексея Александровича и Владимира Александровича. Пока что я не желаю их видеть. И министра юстиции сюда... И Ренненкампа¹³ сюда... Я обязан отдать все необходимые распоряжения.

Министр вышел из гостиной, отдал распоряжения о вызове министра юстиции и управляющего канцелярией, позвал двух конвойцев и приказал им занять пост у входной двери, никого не впускать без его личного разрешения. Казаки дежурной 1-й Кубанской сотни застыли у дверей с шашками наголо.

– Присаживайтесь, Илларион Иванович, – обратился царь к вернувшемуся министру. – Ваш род всегда верно служил престолу. Папа Вас любил и ценил... Извините, губы пересохли, трудно говорить... Я Вам очень верю и хочу, чтобы Вы исполнили мою последнюю волю. Аликс ждёт наследника... Но мы не можем знать, как распорядится Господь, дарует нам сына или дочь. Очень хочется жить. Я надеюсь на Божье проведение, но всё же... Илларион Иванович, если меня не станет, я хочу чтобы Аликс и мой будущий ребёнок не были никем оттеснены от престола.

– Государь, об этом не может быть и речи...

– Я не о том, – перебил Николай. – Если меня не станет, то до рождения ребёнка местоблюстителем престола должен быть Георгий. А ежели родится девочка, то Джоржи должен будет заступить на престол... Вы не хуже меня знаете, что он болен, болен безнадежно. Врачи запретили ему покидать Аббас-Туман... Я не могу оставить ему престол, не могу... Папа оставил на меня Россию, и я обязан... Илларион Иванович! Я хочу изменить порядок престолонаследия...

– Разве это возможно, Государь? Ведь порядок престолонаследия определён раз и навсегда!

– Я самодержавный монарх. И это моя воля, Илларион Иванович... Памятью Вани заклинаю Вас... Если Господь призовет меня, то регентом должна стать Аликс. Если родится наследник, Аликс будет регентом до его совершеннолетия. А если родится девочка, то престол перейдёт к Аликс. Да-да, Илларион Иванович, к Императрице Александре. В России была Екатерина Вторая, так что будет и Александра Первая... Я не могу позволить, чтобы престол достался несчастному Георгию, который не способен править, не могу... Чахотка медленно убивает его. А наш Милый Флорру ¹⁴ ещё слишком молод, и мои дядя будут помывать Мишей, как только им вздумается. Илларион Иванович, Вы мне поможете, Вы обязаны исполнить мою волю. Дядя Сергей будет Главнокомандующим, дядя Павел поедет генерал-губернатором в Москву. А вот Вам, граф, придётся принять пост министра внутренних дел! Это даже не просьба, Илларион

---

¹² Манзей Константин Николаевич, генерал от кавалерии. С 1889 г. командир Гвардейского корпуса.

¹³ Ренненкампф Константин Карлович, действительный тайный советник. С 1889 г. управляющий Собственной Его Императорского Величества Канцелярией.

¹⁴ Великий Князь Михаил Александрович. Это прозвище произошло от английского «*flop*» – шлёпаться.

Иванович, это мой приказ! Придётся, потому что я не знаю, кому мне ещё можно довериться! Дурново,¹⁵ Петрова¹⁶ и Шебеко¹⁷ – сегодня же отставить.

– Думаю, Государь, что они уже сами написали прошения об отставке, – заметил министр. – И, всё-таки, Вы твёрдо уверены, что нужно менять порядок престолонаследия?

В разговор вмешалась Александра, которая до этого внимательно слушала и осмысливала услышанное.

– Ники! Что ты говоришь? Ты должен жить, ради меня и ради нашего будущего сына! – голос её дрожал, слёзы катились по щекам. – Мы все будем молить Бога, чтобы он даровал тебе выздоровление! Ники!

– Солнышко! Ты должна быть готова принять престол. Это твой долг, ты русская Императрица... Моё ранение тяжёлое, и мы должны быть готовы к любому исходу. Дай мне воды...

Императрица встала и пошла к столику, на котором стоял графин, а Николай продолжал:

– Сложилась такая ситуация, Илларион Иванович, когда у меня нет другого выхода. Мне придётся изменить порядок престолонаследия. Поэтому уже завтра я должен подписать указ и внести изменения в «Учреждение об Императорской фамилии». И ещё объявить мою волю относительно наследования престола.

Граф Воронцов-Дашков был ошеломлён услышанным. Если покойного Александра Третьего министр воспринимал как повелителя, то Николая Второго он не принял ни как личность, ни как монарха. Илларион Иванович, зная молодого Государя с детских лет, относился к нему покровительственно, считал просто взрослым ребёнком, не способным на принятие самостоятельных решений. И вдруг Николай требует выполнять его волю... И не просто требует, но хочет коренным образом изменить устоявшийся порядок престолонаследия! В ушах министра ещё звучали слова лейб-хирурга Гирша о том, что ранение Императора – смертельно, и что только от воли Божьей зависит, сколько дней или часов ему отпущено. Желание передать престол Аликс, несомненно, вызовет бешеное сопротивление не только Марии Фёдоровны, которая будет биться за права своих младших сыновей, но и большинства великих князей и их жён. И больше всех будет орать Владимир Александрович, который имеет права на престол после детей Александра Третьего!

Николай выпил стакан воды, заботливо поднесённый женой. В это время за дверью раздался шум, громкие голоса. Министр двора вышел из гостиной и через полминуты вернулся с Марией Фёдоровной. Вдовствующая Императрица беззвучно опустилась на колени рядом с топчаном, стала целовать руку сына.

– Ники! Господи, за что? – воскликнула она.

Голос железной женщины, которую в придворных кругах за взрывной характер называли не иначе, как Гневная, был тих и надломлен:

– Только ушёл Саша, и теперь беда с тобой! Ники! Почему ты выпроводил Сандро и Ксению? Почему никого не пускают к тебе? Мы все молим Бога о твоём здоровье, позволь близким быть подле тебя!

– Мама, пока я не разрешу важные вопросы об управлении Россией, слушать причитания тут недосуг. Я должен отдать распоряжения моим министрам, а потом встречусь с моими милыми родственниками.

За дверью снова раздался громкие голоса, министр двора вышел и вернулся с тремя лейб-хирургами.

– Государь, позвольте докторам осмотреть Вас!

---

¹⁵ Дурново Иван Николаевич, действительный тайный советник, статс-секретарь. Сенатор. Министр внутренних дел (1889).

¹⁶ Петров Николай Иванович, генерал-лейтенант. С 1893 г. директор Департамента по-лиции.

¹⁷ Шебеко Николай Игнатьевич, генерал-лейтенант. С 1887 г. товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов. Сенатор.

Император обратился к жене и матери:

– Мамá! Аликс! Дайте же докторам исполнить свой долг... Аликс! Переоденься пока, ты столько пережила сегодня, Солнышко...

Обе императрицы молча вышли, Воронцов-Дашков последовал за ними, а Гирш, Круглевский и Вельяминов принялись осматривать Императора.

В Арапском зале, у дверей гостиной томились в ожидании царские родственники. Председатель Государственного Совета Михаил Николаевич, командир Преображенского полка Константин Константинович, командир Конной гвардии Павел Александрович, начальник 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии Николай Николаевич.

Отдельно стояли Владимир Александрович и Мария Павловна с детьми. Мерно выхаживал по паркету слоноподобный генерал-адмирал Алексей Александрович.

Именинник Александр Михайлович обнимал заплаканную Ксению, рядом стояли встревоженные Михаил Александрович и Ольга.

Все они обернулись в сторону вышедшей из гостиной Марии Фёдоровны. Владимир Александрович обратился первым:

– Ваше Величество, что с Императором?

– Сейчас его осматривают врачи. Мой сын потерял правую ногу. Сейчас главное, чтобы не было гангрены... Нам остаётся только молить Господа, – ответила Императрица. Она говорила негромко, ясно и чётко, но с явно тревожными нотками в голосе.

– Но почему нас не пускают к царю? Кто и зачем поставил часовых у дверей? Что вообще происходит? – не успокаивался Владимир Александрович.

Ему ответил граф Воронцов-Дашков:

– Ваше Высочество! Государь повелел мне пока никого не допускать к нему. И это я по его повелению поставил часовых. Когда врачи закончат своё дело и составят мнение о дальнейшем лечении, Государь желает видеть Великого Князя Николая Николаевича, Павла Александровича и Константина Константиновича, чтобы отдать распоряжения относительно государственного управления. Потом Государь желает увидеть министра юстиции, управляющего канцелярией Его Величества и командира Гвардейского корпуса. А завтра прибудет Великий Князь Сергей Александрович.

Министр двора смотрел прямо в глаза Владимира Александровича, который нервно теребил генерал-адъютантский аксельбант.

– Что тут вообще происходит? – воскликнул Великий Князь, обращаясь не столько к министру, сколько к многочисленной родне. – Граф! Потрудитесь объяснить, почему меня, Главнокомандующего, не допускают к Императору?

Было видно, что Великий Князь не просто в гневе. Он был взбешён услышанным, тем, что его просто выкинули за борт и отстранили от самых важных в государстве событий. И кто? Царствующий племянник, который до сего дня испытывал перед Владимиром Александровичем чувство исключительной робости, граничащей с боязнью.

– Ваше Императорское Высочество! Я лишь точно выполняю повеление Государя, не более того, – отозвался министр двора. – Относительно Вашего Императорского Высочества я никаких повелений не получал.

– Это чёрт знает что!!! Царь смертельно ранен... Вы забыли, граф, что я Манифестом четырнадцатого марта был назначен регентом?¹⁸

Лицо Владимира Александровича побагровело. Он рванул ворот сюртука так яростно, что крест ордена Святого Георгия едва не сорвался с шейной ленты, и обратился к вдовствующей Императрице:

---

¹⁸ «Правительственный Вѣстник». 15 марта 1881, № 58, стр. 1.

– Ваше Императорское Величество! Государь болен, он явно не в себе! За нашей спиной происходит что-то странное. Ники зачем-то вызвал к себе Муравьёва¹⁹ и Ренненкампа... Какие указы он готовит? Куда ушла Аликс? Что-то явно затевается, а мы ничего не знаем. Гирш дал Ники морфий, и его сознание сейчас под воздействием...

– Прекратите истерику! – взвилась Императрица. – Сейчас нужно молить Бога, чтобы Ники выжил, а не устраивать скандалы.

– Но послушайте, Минни! – голос Владимира Александровича стал более мягким. – Разве не Вы после смерти моего брата говорили всем нам, что Ники не способен править Россией! Разве не Вы говорили, что он слаб и умом, и духом...

Остальные присутствующие не вмешивались в столь бурный диалог. Николай Николаевич, Павел Александрович и Константин Константинович отошли в дальний угол и тихо переговаривались между собой, гадая, зачем именно их хочет видеть царствующий племянник.

Красавец Сандро вполголоса рассказывал Ксении, Ольге и Михаилу о том, как сразу после вступления на престол Ники отвёл его в свою комнату, плакал на плече и признавался, что не готов быть царём, никогда не хотел быть им, ничего не понимает в делах правления и даже не имеет понятия, как разговаривать с министрами...

Мария Фёдоровна не успела ничего сказать, так как в зале появились генералы Манзей и фон Валь.²⁰ Они подошли к вдовствующей Императрице и взяли под козырёк.

– Ваше Императорское Величество, в городе еврейские погромы! – взволнованным голосом сообщил фон Валь. – Началось на Невском проспекте, а потом перекинулось на другие части. Толпа кричит, что евреи убили царя. Полиция ничего не может сделать. Громят еврейские магазины, аптеки... Увы, и не только еврейские...

– Доложите Его Высочеству, – кивнула Императрица на Владимира Александровича, но фон Валь не успел ничего сказать.

– Константин Николаевич, – обратился Великий Князь к генералу Манзею, – оставь на охране Зимнего дворца преображенцев и семёновцев. Князь Оболенский²¹ с измайловцами и егерями пусть выдвигаются на Невский проспект, и обязательно возьмут под охрану Аничков дворец. Шипова²² с кавалергардами и Конной гвардией вызвать к Зимнему в качестве резерва. Передай Ребиндеру,²³ чтобы он подчинил себе 2-ю Гвардейскую и 37-ю пехотную дивизии, лейб-казаков и атаманцев, и организовал патрулирование по всему городу.

– Слушаюсь, Ваше Высочество! – лихо откозырял Манзей. Этот 74-летний старик был ещё полон сил, как в далёкие корнетские годы. – Позвольте узнать, следует ли вызвать в Петербург полки из Царского

Села, Петергофа и Гатчины?

– Незачем это делать, я думаю, что с беспорядками можно справиться наличными силами. И вот ещё что, генерал... Город, разумеется, нужно взять под охрану, но не нужно забывать, что народ мстит жидам за своего царя. Всё понятно?

– Так точно, Ваше Императорское Высочество! – Манзей развернулся и быстрым шагом удалился.

Дверь гостиной распахнулась, появились Вельяминов и Круглевский. Воцарилась тишина.

Мария Фёдоровна промолвила только одно слово:

– Что?

---

¹⁹ Муравьёв Николай Валерианович, тайный советник. С 1894 г. министр юстиции и генерал-прокурор.

²⁰ Фон Валь Виктор Вильгельмович, генерал-лейтенант. С 1893 г. градоначальник Санкт-Петербурга.

²¹ Князь Оболенский Николай Николаевич, генерал-лейтенант. Начальник 1-й Гвардейской пехотной дивизии (1889).

²² Шипов Николай Николаевич, генерал-лейтенант. С 1894 г. начальник 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии.

²³ Ребиндер Александр Алексеевич, генерал от инфантерии. С 1888 г. помощник Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа.

Вельяминов тяжело вздохнул.

– Ваше Императорское Величество, мы осмотрели Государя Императора, – сказал он. – Сейчас тяжело сказать, как будет всё развиваться. Ранение тяжёлое, ибо коленный сустав раздроблен. Есть большая кровопотеря. Но главное не это. К сожалению, обработать рану удалось не сразу после взрыва, а только когда был вызван доктор Гирш. В рану могла попасть инфекция... А это влечёт опасность гангрены и может привести к летальному исходу...

Он замолчал. Гнетущая тишина была нарушена плачем Ксении, которая прижалась к груди мужа, орошая слезами флотский сюртук. Александр Михайлович гладил её по голове и пытался успокоить. Министр двора попросил Николая Николаевича, Павла Александровича и Константина Константиновича проследовать к Императору.

Лейб-хирург Гирш, увидев входящих великих князей, быстро ретировался. Великие князь и министр двора остановились подле топчана. Николай Николаевич склонился над племянником:

– Ники! Твои врачи говорят, что всё будет хорошо! Держись...

– Дядя, – негромко сказал Николай, – не будет терять времени. Я позвал вас, чтобы все вы помогли мне принять важные решения. Я прекрасно понимаю, что моё ранение такое же, как у дедушки. Да, ему оторвало две ноги, а мне только одну...

Император горько усмехнулся и продолжил:

– Никто не знает, сколько мне ещё отпущено времени, сколько дней или сколько часов. Поэтому я обязан сделать всё для того, чтобы, когда меня не станет, российский престол оказался в надёжных руках. Аликс ждёт ребёнка. Примерно в ноябре, если Бог даст, у нас будет сын. Или дочь... И если родится дочь, то престол должен перейти к Георгию. К моему любимому брату, который даже не смог приехать в Петербург на похороны нашего Папы. А если он откажется от престола, то престол перейдёт к Мишке. Я не считал себя способным самостоятельно управлять Империей, но ещё меньше считаю способным управлять Мишку. Он ещё совсем ребёнок. И кто реально будет править от его имени? Если дядя Владимир может орать на меня, то с Мишей он вообще не будет считаться. Что ждёт Россию? Я не могу... я должен... Я принял решение. Если после моей смерти... да-да, она уже где-то рядом бродит... Если после моей смерти Аликс родит наследника, ей надлежит быть регентом до совершеннолетия нашего сына. А если она родит дочь, то престол перейдёт к ней... Она будет Александрой Первой...

В гостиной воцарилась тишина. Император, который нашёл в себе силы и смелость высказать дядьям свою предсмертную волю, приготовился услышать протесты. Павел Александрович и Константин Константинович смотрели в пол. Николай Николаевич первым не выдержал гнетущей тишины.

– Одумайся, Ники! Ведь это путь к смуте! В какое положение ты ставишь Аликс? Ей всего двадцать три года, она не сумеет управлять огромной Империей. Её не признают великие князья! Её не признает двор! Её не признает армия!

– Я очень хорошо подумал, дядя, – ответил Император. Было видно, как трудно даётся ему каждое слово. Ему, привыкшему к тому, что старшие родственники буквально подавляли любую его инициативу, пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не сорваться, не испугаться и не сдать.

– Я не только хорошо подумал, но я уже принял решение. И своё решение я не изменю. Завтра из Москвы прибывает дядя Сергей. Если все вы меня не поддержите, меня поддержит он. И тогда бедной Аликс придётся царствовать, опираясь на дядю Сергея. Завтра будут подписаны указы об изменении порядка престолонаследия... Завтра армия и флот будут приведены к присяге Императрице Александре Фёдоровне. И всем вам, моим родственникам, тоже придётся присягнуть Аликс... Хотите вы этого или нет, но так будет... Я царь, это моя воля... Это мой долг перед Россией...

– Но что скажет Владимир? Что скажет Алексей? – отозвался Павел Александрович.

– Прежде всего, дядя, Великий Князь Владимир Александрович – мой подданный. И его долг – исполнять мою волю. Даже если я молод и неопытен, даже если я не очень хороший царь. Подайте мне полотенце...

Константин Константинович подал Николаю полотенце, тот стёр со лба и лица набежавший пот, и продолжил.

– Уже сегодня дядя Сергей будет назначен Главнокомандующим войсками Гвардии и Петербургского округа. И ещё он будет Санкт-Петербургским генерал-губернатором, я восстанавливаю эту должность. Дядя Павел будет Московским генерал-губернатором и командующим войсками округа. Константин – примешь 1-ю Гвардейскую пехотную дивизию. А тебе, дядя Николаша, командовать Гвардейским корпусом. И ещё я решил восстановить должность генерал-инспектора кавалерии, потому тебе придется совмещать две должности. Подумай, кого ты хочешь видеть у себя в помощниках.

– А как же Владимир? – удивлённо воскликнул Николай Николаевич. – Ведь это же скандал. Ты представляешь, что будет?

– Представляю, – ответил Император. – Дядя Владимир поедет на Дальний Восток наместником. В Хабаровск...

– Но это же ссылка, – вмешался в разговор Павел Александрович. – Как не назови, но подобное назначение в обществе будет принято как ссылка и опала!

– Ну почему же ссылка? Михаил Николаевич очень долго был наместником Кавказа, жил в Тифлисе, и никто не говорил что это ссылка. Сейчас на Дальнем Востоке неспокойно. Китай, Япония... Для дяди Владимира там будет, где развернуться. А чтобы подсластить горькую пилюлю, я жалую дяде Владимиру фельдмаршальский жезл...

Великие князья переглянулись. Граф Воронцов-Дашков застыл в изумлении, ведь о своих планах относительно Владимира Александровича Император ему ничего не говорил. Граф считал молодого царя неспособным к таким решительным действиям.

– Владимир давно мечтает стать фельдмаршалом, это правда, – сказал Николай Николаевич. – Но скажи, как тебе пришло это в голову?

– Это не суть важно. Илларион Иванович, – обратился Император к Воронцову-Дашкову, – узнайте, не прибыли ли Муравьев и Ренненкампф. И ещё... Распорядитесь от моего имени срочно вызвать из Варшавы генерала Пузыревского,²⁴ он мне нужен в Петербурге. Рихтер²⁵ сменит Вас на должности министра двора, а Вы с сего дня министр внутренних дел. Подумайте, кого Вы хотите назначить директором Департамента полиции и командиром корпуса жандармов...

– Слушаюсь, Ваше Императорское Величество! – ответил министр и вышел.

– Ники! Ты хочешь назначить Пузыревского начальником штаба Петербургского округа? – спросил Николай Николаевич. Великий Князь был огорошен последними кадровыми кульбитами, и пытался выяснить, какие же ещё сюрпризы подготовил царственный племянник.

– Нет, дядя, Пузыревский будет управлять военным министерством. Пётр Семёнович²⁶ устал, пора ему в Государственный Совет на отдых.

Дверь гостиной открылась, вошла Александра Фёдоровна. Она уже переоделась, привела себя в порядок. Кто бы мог подумать, что всего три часа назад она пережила сильнейшее потрясение. В гостиную вернулась не раздавленная горем женщина, а Императрица. Высокая, ослепительно-синеглазая, украшенная тяжелой короной чудных волос. Большие тёмно-синие глаза

---

²⁴ Пузыревский Александр Казимирович, генерал-лейтенант. С 1890 г. начальник штаба Варшавского военного округа.

²⁵ Рихтер Оттон Борисович, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Командующий Императорской Главной квартирой (1881).

²⁶ Ванновский Пётр Семёнович, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. С 1882 г. военный министр.

под длинными ресницами были холодными и даже непроницаемыми. И только красные пятна, резко появившиеся на лице, выдавали волнение Аликс.

– Как ты себя чувствуешь, любовь моя? – обратилась она к мужу по-английски, склонившись над топчаном.

– Доктора меня осмотрели. Пока что ничего сказать не могут, нужно ждать. Будем надеяться на Божье провидение.

– Милый! – голос Императрицы звучал взволнованно, но ясно и чётко. – Мы все молимся за тебя, за твоё здоровье. И не только во дворце... Русский народ любит тебя. В Петербурге начался еврейский погром... Люди громят еврейские магазины...

– Это правда? – обратился Император к Николаю Николаевичу. – При чём тут евреи?

– Понимаешь, Ники... Кто-то пустил слух в городе, что тебя хотели убить евреи. И именно сегодня, под Пасху. Фон Валь доложил, что бомбист, который на тебя покушался, был жидом.

– Кто это был? К какой организации принадлежал?

– Бомбист отстреливался, а потом, не желая попасть в руки толпы, выстрелил себе в голову из револьвера. Оpoznать обезображенный труп пока не удалось. В кармане нашли финляндский паспорт на имя какого-то Эйно Карловича Парвиайнена из Улеборга. Но, если верить словам фон Валя, этот самый Парвиайнен выглядит, как самый настоящий жид. Жандармы и полиция пытаются установить личность бомбиста. Его труп отправили для осмотра судебным медиком. Если он действительно жид, то при осмотре это непременно выяснится. Ну и паспорт тоже проверяют, либо он фальшивый, либо чухонцы выдали этому жиду паспорт за хорошую взятку.

В разговор вмешался Павел Александрович:

– Ники! Владимир уже дал необходимые распоряжения. Гвардия взяла Петербург под охрану. Зимний под усиленной охраной.

Николай взял сидящую рядом Аликс за руку, как будто ища у неё поддержки. Затем обратился к великим князьям:

– Я жду вашего ответа, дорогие родственники. Вы готовы исполнить мою волю?

Взоры всех присутствующих в гостиной были обращены к Николаю Николаевичу. Великий Князь, одетый в тёмно-синюю венгерку, расшитую золотыми шнурами с чёрными прожилками, тёмно-синие чакчиры, гусарские ботинки, с генерал-адъютантским аксельбантом, стоял, как статуя. Нужно признать, что своей «царственной статью», гордой осанкой и необычайно высоким, почти двухметровым ростом, он вызывал в памяти времена незабвенного Николая Павловича. На мгновение задумавшись, Николай Николаевич обратился к племяннику:

– Ники! Я уверен, что Господь Бог убережёт тебя... Но, чтобы не случилось, я твой верноподданный и я солдат. А солдату негоже обсуждать приказы. Я исполню твою Высочайшую волю... Аликс найдёт во мне поддержку и опору, и я уверен, что Павел и Константин со мною согласны.

– Спасибо, дядя! Аликс, – обратился Николай к жене, – подай мне икону со стола.

Императрица взяла на столе небольшую икону и передала мужу.

– Поклянитесь исполнить мою волю и признать Аликс законной Императрицей! – обратился Император к Николаю Николаевичу, протягивая ему икону.

Николай Николаевич, держа икону, говорил торжественно, голос его был твёрд и решителен.

– Клянусь Всемогущим Богом исполнить твою волю, Государь, и в случае твоей гибели признать Аликс законной Императрицей, во всём ей повиноваться и требовать повиновения от других!

Произнеся эти слова, Великий Князь поцеловал икону и передал её Павлу Александровичу. Павел Александрович и Константин Константинович повторили слова клятвы и поцеловали икону.

Дыхание Императора стало тяжёлым. Лицо исказилось от боли. Действие морфина заканчивалось, и беспощадная боль снова наступала. Константин Константинович пригласил врачей. Вельяминов, который взялся руководить лечением Императора, попросил дать царю покой. Он категорически запретил какие-либо встречи, мотивируя это усталостью царя и врачебной необходимостью. Все вышли, в гостиной осталась только Аликс. Николай, истощённый после перенесённого болевого шока и нервного перенапряжения, получив новую инъекцию морфина, сразу же уснул.

Мария Фёдоровна и великие князья собрались в дворцовой церкви. Протопресвитер Иоанн Янышев служил молебен о даровании здоровья Государя Императора.

Впереди была ночь, и никто не знал, будет ли утро добрым или принесёт беду.

Глава 2

Всю ночь Аликс провела около ложе мужа, не сомкнув глаз. Николай временами метался в горячечном бреду, тревожа царицу и дежуривших докторов громкими стонами, затем под воздействием морфина боль уходила, и ненадолго приходило успокоение.

Едва забрезжил рассвет и первые лучи холодного апрельского солнца стали проникать сквозь тяжёлые шторы, Император пришёл в себя. Увидев подле себя заплаканную жену, он попытался изобразить на бледном лице подобие улыбки, после чего тихим голосом попросил «милую Аликс» хоть немного отдохнуть после ночного бдения.

Александра Фёдоровна пристально посмотрела на мужа и тихо спросила его по-английски:

– Любовь моя! Ты помнишь, что я написала в твоём дневнике в Виндзоре, в тот наш последний вечер, перед предстоящей назавтра разлукой?

– Как же я могу забыть эти слова, Солнышко? Разве это можно забыть? «Всегда верная и любящая, преданная, чистая и сильная, как смерть», – глаза Николая повлажнели, слабый голос задрожал. – Я всегда буду помнить твои слова, искренние и высокие.

– Тогда не гони меня. Я буду подле тебя, пока ты не выздоровеешь...

– Аликс! Ты должна быть готова к самому худшему, – тихо сказал Император. – Я прекрасно осознаю, что ранение тяжёлое, почти, как у дедушки. И тебе нужны силы, тебе и нашему будущему сыну. Ты не должна так изводить себя...

– Ники, я распорядилась, чтобы Мадлен²⁷ и Тюдельс²⁸ привезли мне из Аничкова всё необходимое, чтобы я могла быть подле тебя. Государыня и многие великие князья не уезжали по домам, они остались ночевать в Зимнем дворце. Все молятся о твоём выздоровлении. И ты не говори глупых слов, я верю, что господь не допустит несправедливости!

Доктор Гирш робко сообщил Императору, что вызванные ещё вчера генерал Манзей, министр юстиции Муравьёв и управляющий канцелярией Ренненкампф давно уже прибыли и ожидают повелений.

Спросив, не прибыл ли из Москвы Великий Князь Сергей Александрович, царь приказал позвать генерала Манзея. Услышав эти слова, зашедший доктор Вельяминов стал протестовать, уговаривая Николая сначала подвергнуться осмотру, а лишь потом перейти к государственным заботам. Аликс поддержала Вельяминова и Император сдался.

Подняв плед, которым был укрыт царь, врачи долго осматривали сине-багровую культю, о чём-то тихо переговариваясь между собой по-латыни. Александра Фёдоровна прислушивалась, пытаясь понять, какие прогнозы высказывают медики, но так ничего и не разобрала.

После осмотра и перевязки Вельяминов ничего не стал говорить, молча вышел из гостиной. На вопрос Императора, что установил осмотр и на что стоит надеяться, взволнованный Гирш стал отвечать длинно и путано, используя непонятные медицинские термины.

Дверь гостиной распахнулась. Зашёл Великий Князь Николай Николаевич, следом за ним шёл генерал Манзей. Великий Князь стал спрашивать Императора, как тот себя чувствует, но Николаю Александровичу было важное иное.

– Дядя! Ты уже сказал Константину Николаевичу о предстоящих переменах? – спросил он.

– Нет, Государь! Я не счёл возможным говорить что-то от имени монарха.

---

²⁷ Младшая камер-юнгфера Занетти Магдалина (Мадлен) Францевна.

²⁸ Камер-медхен Туттельбер Мария (Луиза) Густавовна.

– Константин Николаевич! – обратился царь к Манзею. – Я принял решение сделать командиром Гвардейского корпуса Великого Князя Николая Николаевича. Приказываю Вам сдать корпус сегодня же. Немедленно.

– Слушаюсь, Ваше Императорское Величество! – негромко ответил Манзей, вытянувшись «во фронт». Крепко сбитый старик с густыми усами и седой бородой не подал виду, что взволнован услышанным. Только в глазах можно было прочесть немой вопрос, что же теперь будет с ним, после его 55-летней безупречной службы.

– Константин Николаевич, – тихо произнёс царь, – Вам придётся ехать в Варшаву и вступить в должность помощника Шувалова.²⁹

В глазах старика засветилась радость.

– Благодарю, Государь, за оказанное мне доверие! Когда прикажете убыть?

– Сегодня, Константин Николаевич, сегодня... Вы сами понимаете, какая нынче ситуация. На Вас я возлагаю задачу удержать в Царстве Польском железный порядок в это смутное время. Доложите Главнокомандующему о моём повелении, Высочайший приказ будет уже сегодня. И подберите в Варшаву дельного начальника штаба, ибо Пузыревский едет в Петербург. Я Вас не задерживаю, Константин Николаевич...

Голос Императора ослабел. Александра Фёдоровна стала вытирать его лицо и лоб от выступившего пота.

В гостиную тихо вошёл граф Воронцов-Дашков. Отёки под глазами и красные глаза свидетельствовали, что прошедшую ночь граф бодрствовал.

Когда Манзей вышел, Император обратился к Николаю Николаевичу:

– Дядя! Ты командир Гвардейского корпуса и я хочу, чтобы уже сегодня Гвардия присягнула Императрице Александре Фёдоровне. Действуй своей властью, без уведомления дяди Владимира, я ему сам всё скажу, когда будет необходимо. Илларион Иванович! Завтра сразу же после обнародования Манифеста о порядке престолонаследия и прибытия дяди Сергея, члены Императорского Дома должны принести присягу Государыне. Помогите Рихтеру подготовить всё необходимое. И сейчас же отправить телеграфом всем командующим войсками и на флоты моё повеление о приведении к присяге Государыне...

– Государь! Муравьёв и Ренненкампф ожидают за дверью. Прикажете позвать? – спросил Воронцов-Дашков. Получив согласие, он вышел.

– Где же Сергей? – с досадой промолвил царь. – Почему же его так долго нет? Мне нужно успеть сказать ему очень многое, а он опаздывает!

– Ники, – ответил Николай Николаевич, – ты же знаешь, что курьерский из Москвы идёт не менее тринадцати часов. Он скоро прибудет.

В гостиную вернулся граф Воронцов-Дашков, за ним вошли министр юстиции Муравьёв и управляющий канцелярией Ренненкампф. Они осторожно подошли к топчану.

– Константин Карлович! Николай Валерианович! – голос Императора ослабел. – Слушайте очень внимательно и запоминайте. Сейчас вы прямо из дворца должны направиться к себе, вызвать необходимых для исполнения моих повелений людей, чтобы я мог подписать все необходимые бумаги как можно скорее. Господь Бог простит мне мой грех, что я заставляю всех вас работать в светлый праздник... Высочайшие приказы я подпишу уже сегодня. Великий Князь Владимир Александрович назначается заместителем Дальнего Востока и Главнокомандующим сухопутными и морскими силами и жалуются в фельдмаршалы. Рескрипт подготовьте обязательно... Генерал Духовской³⁰ – его помощником. Великий Князь Сергей Александрович

---

²⁹ Граф Шувалов Павел Андреевич, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С 1894 г. командующий войсками Варшавского военного округа и Варшавский генерал-губернатор.

³⁰ Духовской Сергей Михайлович, генерал-лейтенант. С 1893 г. командующий войсками Приамурского военного округа и Приамурский генерал-губернатор.

вич – Главнокомандующим и Петербургским генерал-губернатором... С производством в генерал-лейтенанты... Великий Князь Павел Александрович назначается командующим войсками в Москву и генерал-губернатором, жалуетя генерал-лейтенантом и генерал-адъютантом.

Император замолчал, а Муравьев и Ренненкампф судорожно записывали повеления в свои книжки. Немного отдышавшись, Император продолжил:

– Пузыревского – управлять Военным министерством с производством в генералы от инфантерии. Ванновского – в Государственный Совет. Манзея – в Варшаву, помощником к Шувалову. Великий Князь Николай Николаевич – командиром Гвардейского корпуса, генерал-инспектором кавалерии, генералом от кавалерии... Великого Князя Константина Константиновича – начальником 1-й Гвардейской пехотной дивизии, в генерал-лейтенанты и генерал-адъютанты... Оболенского – помощником Главнокомандующего, Ребиндера – в Александровский комитет. Граф Воронцов-Дашков – министром внутренних дел, Рихтер – министром двора.

Пока царь перечислял все назначения, в гостиной стояла мёртвая тишина. Он снова попросил воды, а потом продолжил:

– Да, Костанду ³¹ – тоже в Государственный Совет, с рескриптом... А теперь... Завтра утром должен быть объявлен Манифест о порядке престолонаследия. Я хочу внести изменения в «Учреждение об Императорской Фамилии». Нужно подготовить указ и текст манифеста... Я хочу, чтобы в случае моей смерти был установлен следующий порядок наследования престола. Если у Императрицы после моей смерти родится мальчик, то наследником будет он, при регентстве Императрицы. Если же родится девочка, то управление государством переходит к Императрице Александре Фёдоровне, как к полновластной самодержице. Ей же наследует Великий Князь Георгий Александрович, следом за которым идёт Великий Князь Михаил Александрович.

– Ваше Императорское Величество, – пролепетал Ренненкампф, – но ведь это решительно невозможно! Порядок престолонаследия определён ещё почившим в Бозе Императором Павлом, и изменить его не представляется возможным!

– Извольте дослушать! – Николай повысил голос. – Я так хочу, это моя высочайшая воля! Николай Валерианович, Вы министр юстиции. Разъясните всем нам, могу ли я изменить порядок престолонаследия и могу ли я передать престол моей жене.

– Государь! Я исхожу из того, что Вы – самодержавный монарх, – ответил Муравьев. – Первая статья Свода основных государственных законов гласит: «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его верховной власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». Действительно Император Павел Петрович огласил в день своего коронавания в 1797 году Акт о порядке престолонаследия, ликвидировавший то неопределённое положение, в котором находился русский Императорский престол в результате петровского законодательства, позволявшего Государю назначать себе преемника, исходя из личных соображений. В этот же день был издан и другой акт – «Учреждение об Императорской Фамилии». Ставя закон о престолонаследии выше воли монарха, Император Павел выражал веру не в способного ошибаться человека, а в Промысел Божий. Но любой закон не является вечным. «Учреждение об Императорской Фамилии» дважды подвергалось изменениям. Император Николай Первый дополнил его положениями относительно семейства принца Ольденбургского, а затем и герцога Лейхтенбергского и его потомства, причисленных к Императорской Фамилии. А Император Александр Третий в 1886 году изменил редакцию многих статей... Потому я не вижу каких-либо препятствий к тому, чтобы Ваше Император-

---

³¹ Костанда Апостол Спиридонович, генерал от артиллерии, генерал-адъютант. Командующий войскам Московского военного округа (1888).

ское Величество внесло такие изменения в закон, какие сочтёт необходимым. Но, Государь, я могу дать заключение лишь о юридической стороне этого вопроса...

Всю эту юридическую тираду министр юстиции произнёс буквально на одном дыхании, и теперь вертел головой по сторонам, словно ища поддержки у присутствующих. Он понимал, что именно сейчас, от его слов зависит, быть может, будущее всей Российской Империи. Для чиновника, пусть даже и министерского ранга, это было серьёзным испытанием.

– Я считаю, что больше никаких сомнений быть не может, – произнёс Николай. – Константин Карлович! Николай Валерианович! Убедительно прошу вас и ваших подчинённых ни с кем не делиться о моих повелениях. Даже с вдовствующей Императрицей, моей матерью. Все бумаги должны быть подготовлены незамедлительно и в самом секретном порядке. Я вас не задерживаю, господа... Если возникнут какие-либо непонятные моменты, обращайтесь к Иллариону Ивановичу.

Ошарашенные полученными повелениями, Муравьёв и Ренненкампф быстро удалились, вслед за ними вышел Николай Николаевич.

Камердинер принёс на подносе завтрак Императору, но кусок не лез в пересохшее горло больного. Аликс настойчиво уговаривала его подкрепиться, затем стала кормить из ложки. Неожиданно Николай закашлялся, лицо его побагровело, после чего наступило забытие. Испуганная Аликс приказала позвать доктора Вельяминова.

Камердинер позвал Вельяминова. Вслед за доктором в гостиную буквально ворвалась вдовствующая Императрица и Великий Князь Владимир Александрович.

– Что? Ему стало хуже? – спросила Мария Фёдоровна графа Воронцова-Дашкова, не видя Николая, над которым склонились Аликс и доктор Гирш.

Не дав ответить Воронцову-Дашкову, Великий Князь Владимир Александрович стал высказывать ему свои претензии.

– Граф! Вы, как министр двора, обязаны обеспечить порядок во дворце! А Вы заняты тем, что выставяете часовых, которые пытаются не пустить меня к царю!

– Ваше Императорское Высочество! Я уже не министр двора... Государю было угодно назначить меня министром внутренних дел, – негромко ответил граф. – Министром двора назначен генерал-адъютант Рихтер.

– И я только узнаю об этом? – вскипел Великий Князь. – Это уже просто наглость!

Он направился к топчану, на котором лежал царь. Вельяминов уже сделал укол, и Николай стал приходить в себя.

Аликс сидела рядом, держа мужа за руку. Мария Фёдоровна, по-дойдя, тихо спросила:

– Ники! Мы все молимся за твоё излечение... Господь не оставит нас своими милостями. Вчера Николай Александрович запретил тебя тревожить... Как ты себя чувствуешь?

– Мама, спасибо, мне немного легче. Мои доктора не оставляют меня, и Аликс всю ночь была рядом со мною...

– Ники! Но что это за поспешные назначения? Милый, я только узнала, что ты сделал Николая Николаевича командиром Гвардейского корпуса, а Иллариона Ивановича – министром внутренних дел. К чему такая поспешность?

Император не успел ответить матери, так как Владимир Александрович вмешался в разговор. В свойственной ему грубой манере, не умея и не желая сдерживать накопившиеся у него эмоции.

– Ники! Что тут вообще происходит, чёрт побери? – голос Великого Князя загремел на всю гостиную. Голос человека, привыкшего повелевать и распекать нерадивых подчинённых. – Ты ранен, меня не пускают к тебе со вчерашнего дня! Ты назначаешь Николая командиром Гвардейского корпуса без моего ведома! Я пока что Главнокомандующий и без моего согласия

никто не смеет производить назначения в гвардии! Никому не позволено так поступать со мною!

Великий Князь уже не мог остановиться, высказывая свои претензии. Царь, услышав грозные интонации, впал в ужас и не мог вымолвить ни слова. Несмотря на свою слабость, Николай со всех сил сжал руку жены, как будто ища у неё защиты. И Аликс не выдержала. Она вскочила, и закрыла собою Императора.

– Ваше Высочество! Я прошу Вас покинуть нас. Разве Вы не видите, что царь болен, и что Ваши слова пагубно воздействуют на него? – голос Аликс, обычно тихий, застенчивый, на сей раз звучал резко, в нем проскальзывали нотки ненависти, которые не могли оставить никого равнодушным.

Великий Князь, шокированный подобным поведением племянницы, немного смутился и пытался возражать, что вызвало ещё большую реакцию со стороны Императрицы.

– Я Ваша царица, – перешла Аликс на русский язык. – И я приказываю Вам оставить нас, чтобы доктора могли заняться лечением!

Её, до того холодные, синие глаза сверкали, как у пантеры. Чуть припудренный шрам на левой щеке побагровел, ярко выделяясь на матовой коже.

Пробормотав что-то невнятное, Владимир Александрович резко развернулся и вышел из гостиной. Аликс, успокоившись, вновь присела возле топчана, а Мария Фёдоровна стояла в растерянности.

Дверь распахнулась, и в гостиную вошёл Великий Князь Сергей Александрович. Очень высокого роста, широкоплечий, отмеченный той весьма породистой красотой, присущей потомкам Императора Николая Первого, всегда чрезвычайно элегантный, сегодня он был бледный, как полотно. Тонкие черты лица, густые светлые волосы, подстриженные ёжиком, маленькая, аккуратно подстриженная борода.

Следом вошла Елизавета Фёдоровна. Элла, как её называли родственники, была в дорожном платье, украшенном единственной бриллиантовой брошью. Высокая, хрупкая блондинка с очень правильными и тонкими чертами лица, с серо-голубыми глазами. Несмотря на утомлённость от ночного переезда из Москвы, она производила необычайный эффект, как всегда прекрасная и величественная.

Их приход разрядил напряжённую атмосферу. Поцеловав руку Марии Фёдоровне и Аликс, Сергей Александрович склонился над Императором. Александра Фёдоровна, увидев сестру, с трудом сдержала слёзы.

Николай, обрадованный прибытием Великого Князя, приободрился. Его паника, вызванная выговором от Владимира Александровича, уже прошла.

– Мама! – обратился он к Марии Фёдоровне. – Мне нужно переговорить с дядей Сергеем наедине. – Потом посмотрел на жену. – Аликс! Прошу тебя, пойдёшь пока с Эллой к Ксении. Потом я вас всех позову.

Графу Воронцову-Дашкову и докторам ничего говорить не пришлось, они понимающе вышли из гостиной. Аликс и Элла последовали следом. Мария Фёдоровна не хотела уходить, но поняла, что сейчас с сыном лучше не спорить, и вышла с гордым видом, не желая никому показать своё поражение в невидимой войне.

Сергей Александрович пробыл у Императора более пяти часов. Их общение дважды прерывали доктора, которые осматривали Николая, и Ренненкампф, принесший Николаю на подпись бумаги.

Придворные, которые чувствовали, что происходит что-то очень важное, пытались прознать о содержимом подписанных документов, но Ренненкампф был нем, как рыба. Проявляя чудеса дипломатии, он умело уклонялся от вопросов, говоря, что он всего лишь исполняет волю Императора.

Глава 3

«Повторяя данный Родителем НАШИМ священный пред Господом Вседержителем обет посвятить по завету НАШИХ предков всю жизнь НАШУ попечениям о благоденствии, могуществе и славе России, МЫ призываем НАШИХ верноподданных соединить их молитвы с НАШИМИ мольбами и повелеваем им учинить присягу в верности Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Александре Феодоровне, которой и надлежит вступить на Прародительский Престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго в случае НАШЕЙ смерти, ежели Богу не угодно будет благословить наш брак рождением Сына.

Дано в Санкт-Петербурге, во 2-й день Апреля, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот девяносто пятое, Царствования же Нашего в первое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано: «НИКОЛАЙ»...

* * *

Смятая газета лежала на зелёном сукне стола. Великий Князь Владимир Александрович был в ярости и не мог найти себе места... Утренние петербургские газеты вышли с Высочайшим манифестом о порядке престолонаследия, который у многих вызвал шок. Великий Князь не был исключением, он был шокирован безрассудством своего царственного племянника. Фактически Императрица Александра Фёдоровна объявлялась наследницей престола. Самое главное – с Владимиром Александровичем никто даже не счёл нужным посоветоваться.

А ещё газеты пестрили царскими указами и приказами, из которых следовало, что столь уравновешенная система власти, созданная покойным Александром Третьим, была изменена за одну ночь. И всё это из-за сопливой гессенской девчонки. С лёгкой руки Великой Княгини Марии Павловны молодую Императрицу при дворе уже успели прозвать «гессенской мухой», но кто же знал, что муха эта окажется такой назойливой...

После смерти Александра Третьего молодой Император до сей поры не сделал ни единого шага, не посоветовавшись предварительно со своими дядьями, Владимиром Александровичем и Алексеем Александровичем. Тем паче, что Николай Второй вовсе не горел желанием что-либо менять в государстве, считая созданную покойным царём систему близкой к идеалу. И вдруг за одну ночь всё это рухнуло, а он, Великий Князь, Главнокомандующий русской гвардией, узнаёт обо всём этом из газет... С ним даже не сочли нужным посоветоваться...

Прочитав газетные сообщения, и получив доставленный курьером из Зимнего дворца «Высочайше утверждённый порядок присяги» за подписью нового министра двора генерал-адъютанта Рихтера, Великий Князь уже был готов подать в отставку со всех постов в знак протеста против такого дерзновенного нарушения всех устоев. Рассудительная Мария Павловна уговорила его не принимать скоропалительного решения. Великому Князю пришлось согласиться с высказанным женою мнением, что отставка удалит от двора не только его самого, но и его сыновей, а великокняжеская чета всё ещё не переставала надеяться, что настанет тот день, когда если не сам Владимир Александрович, то его сын будет коронован короной российских императоров.

Немного успокоившись, Владимир Александрович вызвал камердинера и приказал подать парадный мундир. Облачившись в свитский мундир с эполетами, аксельбантом и орденами, надев через плечо голубую муаровую ленту³², Великий Князь накинул роскошную «николаевскую» шинель с бобровым воротником, и вместе с Марией Павловной выехал в Зимний

---

³² Лента Императорского Ордена Святого Апостола Андрея Первозванного.

дворец. Хотя от великокняжеского дворца до Зимнего было рукой подать, Великий Князь потребовал карету.

Ночью выпал снег. День стоял ясный и холодный. Дворцовая набережная патрулировалась конными разъездами кавалергардов, у Дворцового моста стоял пикет семёновцев.

Карета Великого Князя подъехала к Салтыковскому подъезду. Владимир Александрович и Мария Павловна поднимались по лестнице, когда им встретился Великий Князь Николай Николаевич. Владимир Александрович резко остановился, и, даже не поздоровавшись со своим двоюродным братом, высказал ему всё, что у него накипело с утра:

– То, что сделали ты, Павел и Константин, это хуже, чем заговор. Это просто безумие!!! Вам что, так захотелось повторения 1825 года? Но вы забыли, что тогда, слава Богу, Россию спас от новой смуты наш дед Николай Павлович!!! Кто будет спасать нас от новой смуты теперь? Вы ночью, по-воровски...

Голос Владимира Александровича гремел так, что придворные старались поскорее куда-либо спрятаться, лишь бы быть подальше от великокняжеского скандала. Он кричал и буквально задыхался от возмущения.

– Как вы смели забыть о своём долге? Как вы смели скрыть от меня и Алексея? Это вы вместе с Аликс подбили несчастного Ники на это безрассудство, и теперь по вашей вине Россия стоит на краю пропасти! Ники всегда прислушивался к моему мнению, и без подсказки со стороны он бы никогда не решился...

Николай Николаевич молча слушал яростную тираду. Одетый в парадную генеральскую форму Лейб-Гвардии Гусарского полка, он выглядел не просто торжественно, а даже величественно. Белый ментик с бобровой опушкой, расшитый золотом алый доломан, бобровая шапка с султаном – всё это органично дополняло импозантную долговязую фигуру Великого Князя. Казалось, что он абсолютно спокоен, и только хорошо знавшие Великого Князя люди могли бы определить, что он взбешён. Его властное, строгое, гордое лицо было искажено.

– Так это я виноват, что вы с Алексеем постоянно орали на Николая? – отозвался Николай Николаевич. – Это я виноват в том, что Император не хочет вас видеть? Ты не давал ему даже слова сказать, обращался с ним, как с мальчишкой!!!

– Но позволь...

– Не позволю! – голос Николая Николаевича, резкий, громкий, немного гортанный, звучал злобно, враждебно, с какой-то полупрезрительной небрежностью. Взгляд его глаз был пристальный, хищный, ничего не прощающий.

– Никто не смеет упрекнуть меня в том, что я исполнил Высочайшую волю! – воскликнул он. – Это мой долг, долг Великого Князя и долг русского генерала! И я его исполню!

Владимир Александрович, всегда гордый и самоуверенный, не выдержал такого напора, стусевался и проследовал вверх по лестнице. Мария Павловна последовала за ним, гордо задрав подбородок. Когда они вошли в Арапский зал, там уже собралось довольно много народа. Собрались практически все царские родственники. Мужчины в парадных мундирах, сверкающие орденами, золотым шитьём и эполетами. Дамы в русских платьях и кокошниках, с красными орденскими лентами.³³ Несмотря на всё это внешнее великолепие, обстановка в зале была нервная, тревожная.

Старейший член Императорского Дома, председатель Государственного Совета Михаил Николаевич, великан с седеющей бородой и красно-сизым носом, крепко сжимающий в руке фельдмаршальский жезл, был вместе с сыновьями, Сергеем и Георгием.

---

³³ Лента Ордена Святой Великомученицы Екатерины.

Генерал-адмирал Алексей Александрович, которого на флоте давно уже прозвали «семь пудов августейшего мяса», еле слышно беседовал с герцогом Евгением Лейхтенбергским,³⁴ рогоносным мужем своей многолетней метрессы, прекрасной Зины Скобелевой.

Великая Княгиня Александра Иосифовна, «тётя Санни», когда-то одна из первых придворных красавиц, а теперь совсем седая строгая старуха, общалась со своей невесткой Елизаветой Маврикиевной. Огромные голубые глаза, пышные волосы, прямой нос и красивый рот и сейчас делали Александру Иосифовну необычайно обаятельной.

Пётр Николаевич, спокойный, уравновешенный и застенчивый человек, стоял рядом со своей женой Милицей, дочерью черногорского князя Николы, поклонницей сочинений восточных мистиков, оккультных наук и спиритизма.

Особняком ото всех держался принц Александр Петрович Ольденбургский,³⁵ который не входил ни в какие дворцовые коалиции. Он стоял в сторонке, с женой Евгенией Максимилиановной и сыном Петром, скромным и неприметным гвардейским поручиком.

Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна что-то говорила молодой Императрице. Александра Фёдоровна слушала сестру невнимательно. Пустой и напряжённый взгляд, пятна на щеках, всё это свидетельствовало о том, что все мысли её сейчас только о несчастном муже, что происходящее вокруг доставляет ей невыносимые страдания.

У самой двери в Малахитовую гостиную стояли Константин Константинович в преображенском мундире и Павел Александрович в тёмно-зелёном гродненском доломане с ментиком, оба с новенькими генерал-адъютантскими аксельбантами. Рядом стоял Великий Князь Дмитрий Константинович, долговязая каланча в мундире Конно-Гренадерского полка.

Владимир Александрович размашистым шагом подошёл к ним и громко спросил:

– Где Сергей?

– Он у Николая, вместе с Воронцовым-Дашковым и Рихтером, – ответил Павел Александрович. – У врачей неутешительные прогнозы. Николаю всё хуже и хуже. Сергей очень долго сидит у него, что-то обсуждают.

– И что, вы готовы принести присягу Аликс? – снизил тон Владимир Александрович. – Ежели случится новая смута, вы все будете отвечать перед Богом!

– Гвардия уже приведена к присяге Аликс, – тихо сказал Константин Константинович. – Как и весь гарнизон Петербурга... Сейчас нужно не скандалить, сейчас всем нужен мир и согласие.

В это время в зале появилась Императрица Мария Фёдоровна, в сопровождении Михаила и Ольги. Ни на мгновение не останавливаясь, она проследовала напрямик к Александре Фёдоровне.

– Ты очень зря радуешься тому, что мой несчастный сын сделал это безумство! – голос вдовствующей Императрицы дрожал от негодования. Трудно было представить, что эта хрупкая, грациозная, быстрая женщина может превратиться в злобную фурию, готовую выцарапать глаза любому, кто посмеет посягнуть на благо её детей. – Что же ты задумала такое? Украсть престол у моих сыновей?

– Ваше Величество, я поступаю так, как хочет мой муж и Ваш сын, – робко отозвалась Александра.

– Не ври мне, – перебила Мария Фёдоровна. – Твой муж лежит на смертном одре, а ты, вместо того, чтобы молить Бога о его спасении, плетёшь интриги!!! А эти смутьяны, – махнула она рукой в сторону Павла Александровича и Константина Константиновича, – рады стараться,

---

³⁴ Князь Романовский Евгений Максимилианович, 5-й герцог Лейхтенбергский, князь Эйхштедский де Богарне, генерал-лейтенант. Член Императорского Дома.

³⁵ Принц Ольденбургский Александр Петрович (Александр Фридрих Константин), генерал-лейтенант, генерал-адъютант (1880). Член Императорского Дома.

услужить тебе... Был бы жив Саша... Я не стану тебе присягать!!! Не стану!!! Боже, если ты меня слышишь, не позволь случиться узурпации!

В зале воцарилась мёртвая тишина. Открытый протест Марии Фёдоровны находил поддержку в душах большинства присутствующих, но поддержать эту смелую женщину почти никто не решился.

Вдовствующая Императрица, не обращая внимания на застывших у дверей дворцовых гренадеров, ворвалась в гостиную. Николай лежал на топчане под пледом. Бледное лицо и глубоко запавшие глаза свидетельствовали о том, что этому человеку довелось пройти через сильную боль. Рядом с топчаном сидел Великий Князь Сергей Александрович, нервно теребя пальцами наконечник аксельбанта. Министр внутренних дел граф Воронцов-Дашков и министр двора Рихтер стояли рядом. Лейб-хирург Вельяминов возился у столика с медицинскими принадлежностями.

– Ники, как ты мог это сделать? – обратилась к Императору Мария Фёдоровна. – Кто надоумил тебя на это безумие? Я не позволю этой гессенской гордычке узурпировать русский престол! Я не стану ей присягать и детям своим не позволю! Ники! Прошу тебя, одумайся, отмени свои указы, пока не поздно! Или ты хочешь ввергнуть Россию в смуту? Умоляю, отмени свои указы! Твоё слепое безрассудство приведёт Империю в пропасть. Всем святым заклинаю тебя, Ники, спаси Россию!

– Если Вы не заметили, Ваше Величество, то я как раз сейчас занят тем, что спасаю Россию, – тихо отозвался Император. – Спасаю от хаоса. Или Вы хотите, чтобы после моей смерти Георгий царствовал и управлял Россией прямо из Аббас-Тумана? Врачи воспретили ему приехать даже на похороны Папá, петербургский климат губителен для его слабого здоровья. А ты желаешь, чтобы он царствовал? Или Мишка в свои шестнадцать лет годен для престола? Нет, я не могу, не имею права оставить престол тому, кто не способен править... Тем паче сейчас, когда Россия стоит перед опасностью...

– Ты не прав, сын мой, – яростно запротестовала Императрица. – То несчастье, которое произошло с тобой, оно не может поставить под сомнение преданность народа царю. Я уверена, что ты преувеличиваешь опасность, или кто-то наговорил тебе... Саша передал тебе царство, Богом ему вручённое, оставил тебе Россию сильную и нерушимую, с мудрыми министрами и сановниками. А ты хочешь всё это по-ломать ради твоей Аликс!!!

Мария Фёдоровна сорвалась на рыдания:

– Мой бедный Ники, дай Бог тебе силы и мудрость в это страшное время, чтобы найти необходимые меры, чтобы побороть это зло ...

– Моё решение неизменно, моя дорогая Мама! Ты правильно сказала, что Папá передал мне царство, и я хорошо помню, как он сам принял власть после злодеяния первого марта, среди смуты... И его святой пример... укрепляет меня и даёт мне силы сейчас... и надежды... Я обещал ему охранять самодержавие...

Николай говорил сбивчиво, как будто спешил высказать всё, что у него накопилось:

– И то, что я делаю, я делаю даже не ради Аликс, которую очень люблю, а делаю ради России. Я несу ответственность за судьбу моих подданных пред престолом Всевышнего. Я знаю, что очень скоро умру... Но я чувствую, я знаю, что я не один, что за меня молится кто-то, который очень близок к Господу Богу... Я уверен, что дорогой Папá там, на небесах, понимает меня и поддерживает мои начинания.

– Минни, – обратился к Императрице Сергей Александрович, – сейчас не время для личных прихотей. Николай принял единственно верное решение, как бы кому оно не казалось безрассудным. Божья милость не оставит Россию, но если Аликс разрешится девочкой, что тогда? Ники принял решение на случай, если воля Господня призовет его к ангелам, и, если так будет угодно Всевышнему, Аликс придётся исполнить свой священный долг. Разве Саша

в случившихся обстоятельствах оставил бы трон больному Георгию? Про Мишу я и говорить не хочу, он ещё совсем юнец, мальчишка.

Великий Князь встал с кресла. Серо-зелёные глаза, под белесыми бровями, смотрели жестоко и колюче. Он стоял прямо, с поднятой головой, выпятив грудь, прижав локти к бокам, и пальцами вертел кольцо с драгоценными камнями, которое обычно надевал на мизинец.

– Сейчас нам всем нужна сильная направляющая воля, способная укрепить самодержавие, – продолжил Сергей Александрович. – Ники не только мой племянник, он, прежде всего, мой Государь. Я буду первым из верноподданных, охраняющих престол и самодержавие. Минни! Вы обязаны подчиниться воле Государя, Вашего сына. Памятью незабвенного Саша... Заклинаю! Поймите, что нам сейчас нужен внешний и внутренний мир. Россия должна развиваться, крепнуть и богатеть, а это возможно только при самодержавии. Саша был прав, когда говорил, что ежели рухнет самодержавие, то рухнет и Россия. И чтобы этого не допустить, не ввергнуть Россию в катастрофу, сегодня мы все обязаны исполнить наш долг! Вам негоже подавать другим пример непослушания! Вы русская Императрица! Ваш долг – поддержать Государя в столь трудный час!

Великий Князь говорил взволнованно, очень эмоционально, что было так непривычно для этого всегда строгого и исключительно холодного человека, чьи тонкие губы сейчас были сжаты в прямую линию.

Мария Фёдоровна не выдержала, рухнула в кресло, закрыла лицо ладонями.

– Поступайте, как знаете, – буквально простонала она. – Моё сердце истекает кровью. Я не могу убедить своего сына, я могу теперь лишь просить Господа облегчить последствия этого слепого безумия. Ты, Ники, ввергаешь Россию в пучину смуты. Ты возлагаешь на слабые плечи юной Аликс ярмо, которое она не в силах будет нести.

– Государь, – обратился к Николаю генерал-адъютант Рихтер, – всё уже готово для присяги. Прикажете начинать?

– С Богом, Оттон Борисович, начинайте ...

Рихтер вышел из гостиной в зал и оповестил о необходимости проследовать во Дворцовую церковь. Александра Фёдоровна, закусив губы, первой, как и положено по протоколу, вышла из Арапского зала. Следом за ней, в порядке старшинства, медленно потянулись особы Императорской Фамилии.

В ротонде уже ожидали первые чины Императорского двора, которые возглавили шествие. За членами Императорского Дома следовали придворные дамы. При входе в церковь Императрицу встречало придворное духовенство с крестом и святою водою.

Александра Фёдоровна приложилась к кресту и проследовала к месту, указанному министром двора.

В церковном зале стояли гвардейские взводы со знамёнами и штандартами. Там же стоял небольшой инкрустированный стол с золотой чернильницей, на котором после присяги члены Императорского Дома должны были подписывать присяжные листы.

Сам Император остался в гостиной под присмотром докторов. Утренний врачебный консилиум пришёл к неутешительным выводам, и теперь врачи ни на минуту не отходили от Николая, периодически осматривали ногу.

По окончании литургии началась присяга. Посреди церкви поставили аналой с крестом и Святым Евангелием. Присягу в верности Государыне Императрице Александре Фёдоровне по очереди читали вслух, а затем ставили подписи и передавали присяжные листы престарелому министру иностранных дел князю Лобанову-Ростовскому,³⁶ для хранения в Государственном Архиве.

---

³⁶ Князь Лобанов-Ростовский Алексей Борисович, действительный тайный советник. Министр иностранных дел Российской Империи (1895).

Все присутствующие на церемонии заметили, что вдовствующая Императрица и Великий Князь Владимир Александрович делали немалые усилия для того, чтобы дочитать присягу до конца. Мария Фёдоровна держалась стойко, но слёзы на глазах свидетельствовали, что Императрица невыносимо страдает. Владимир Александрович прочитал присягу быстро и отрывисто, как будто спешил поскорее исполнить столько неприятную для него обязанность.

Процедура приведения в присяге прошла в напряжённой зловещей атмосфере. Мысли большинства присутствующих были лишь о том, как долго ещё проживёт несчастный Император. После похорон Александра Третьего прошло всего пять месяцев, и снова призрак смерти бродит в царских покоях.

После принесения присяги все сразу же разъехались по домам. Никаких банкетов и салютов, никаких торжеств не было. Всё прошло нервно, скомкано и напряжённо.

По возвращению в Аничков дворец Мария Фёдоровна удалилась в кабинет и стала писать письмо в Копенгаген своей матери, королеве Луизе.

«Ангел мой, мама! Большая жертва принесена мною сегодня. Вместе с остальными членами Императорского Дома я приняла присягу в верности моей невестке Аликс. Если бы ты знала, как тяжело было мне исполнить этот ужасный долг. Если бы милый Саша был жив, он бы никогда не допустил такого моего унижения перед этой гордячкой, моей невесткой. Она уже узурпировала престол. Она уговорила моего бедного Ники сделать её де-факто наследником русского престола. Бедный Ники! Я присутствовала в церкви только ради моего несчастного сына в столь трагический момент его жизни. Ты не представляешь, как моё разбитое сердце истекало кровью при виде Аликс, которая стояла с таким видом, будто она полновластная хозяйка России. Нас ждут тяжкие времена».

Глава 4

Россия ждала чуда, но чуда не случилось. Император Николай Александрович скончался 6-го апреля 1895 года в два часа 25 минут пополудни, пробыв больше суток в бессмятстве. Лучшие столичные доктора оказались бессильными, вся русская медицина оказалась бессильной перед природой. Безжалостная гангрена очень скоро победила усилия докторов и сопротивление молодого царского организма. Император умер, так и не приходя в сознание, в горячечном бреде, то и дело повторяя одно и то же слово – «смерть».

Александра Фёдоровна, которая была рядом с мужем до последнего вздоха и держала его остывающую руку в своих ладонях, не желала верить в страшное... Не могла поверить... Она молча сидела у топчана с телом, прикрытым простым офицерским пальто, и никто из родственников и придворных не решался отвести её от уже холодного трупа Николая. Обессиленная, измотанная, уставшая, Александра Фёдоровна не могла даже плакать. В прекрасных синих глазах не было ничего, кроме отчаяния и страха.

Застывшая, как мраморная скульптура, царица сидела у холодного тела, не отпуская руку мужа. Просидев так несколько часов, она упала в обморок, и докторам пришлось приводить её в сознание при помощи нюхательной соли.

Три дня тело Императора оставалось в Малахитовой гостиной, где он встретил свой смертный час. Бренные останки, покрытые императорской мантией из золотой парчи, украшенной чёрными двуглавыми орлами и подбитой горностаем, покоились на той самой постели, на которой почил царь. В гостиной беспрерывно служили панихиды, на которых подолгу стояли члены Императорского Дома, высшие сановники Империи и придворные. Потом тело поместили в парадный гроб, обитый малиновым бархатом, и торжественно перенесли в Большую Дворцовую церковь.

Всё это время убитая горем Аликс не отходила от гроба, лишь изредка отлучаясь для короткого сна. Сергей Александрович и Элла по очереди дежурили подле неё, чтобы хоть как-то поддержать Императрицу в этот тяжкий час.

Сандро и Ксения навещали Аликс, несмотря на явное неудовольствие Марии Фёдоровны, которая ни разу не подошла к скорбящей невестке. Остальные же родственники сторонились молодой вдовы, не желая открыто конфликтовать с Гневной. Весь двор буквально застыл в ожидании, что же будет дальше, каков будет расклад сил после похорон Николая, и кто победит в этой борьбе характеров.

Несмотря на протесты врачей, считавших, что такая изнуряющая нагрузка вредна для хода беременности, девять дней и ночей Александра Фёдоровна бдела у гроба.

В последнюю перед похоронами ночь она пришла к гробу, абсолютно не обращая внимания на присутствующих, отрезала ножницами пышные локоны от своих прекрасных волос, бывших её гордостью и лучшим украшением, и положила их под руки мёртвому Николаю. Всё это вызвало очередные пересуды придворных.

15-го апреля, перед тем как нести гроб из дворца в Петропавловский собор, состоялась последняя панихида. А затем началось самое страшное для Аликс...

Печальное шествие прошло под колокольный перезвон и пушечную пальбу с Петропавловской крепости, от Зимнего дворца в Петропавловский собор. Огромные толпы народа благоговейно преклонялись и отдавали последнюю дань уважения своему царю. Похоронной процессии предстоял не очень длинный путь, но полиция и конные жандармы с большим трудом сумели расчистить улицы и теперь сдерживали всю это разношерстную массу, ибо число собравшегося народа явно превысило число тех, кто провожал в последний путь Александра Третьего. Ещё никогда в многовековой истории России не было такого, чтобы промежуток между погребением царей составлял чуть больше пяти месяцев. Мученическая смерть моло-

дого монарха, погибшего от рук бомбиста, не могла оставить безучастным никого, ни блистательных сановников, ни мелких чиновников, ни простых обывателей.

Казалось, что сама природа провожает в последний путь молодого царя, согревая всех настоящим летним солнечным теплом, столь редким для апрельского Петербурга.

Похоронный кортеж, имевший огромную протяжённость, прошёл сквозь многочисленные построения войск в парадной форме, которые по приближении печальной колесницы с телом в Бозе почившего Государя Императора отдавали честь.

Музыка, трубачи, барабаны. Мрачные чёрно-зелёные мундиры пехоты и сверкающие кирасы кавалергардов, алые мундиры чубатых лейб-казаков и синие голландки с голубыми матросскими воротниками, «уланки» с квадратным днищем и конусообразные гренадерские шапки Павловского полка, медные щиты которых, многие – пробитые вражескими пулями, видели поля сражений у Прейсиш-Эйлау, Фридланда, Бородина, Кульма и Лейпцига.³⁷ Преклонённые знамёна и штандарты, сотни и сотни сверкающих на солнце штыков, палашей и шашек.

Траурное шествие подчинялось строгому ритуалу, который был разработан генералом Рихтером.

На рослых тёмно-гнедых кабардинских аргамаках с чёрными гривами и хвостами прошёл Собственный Его Величества Конвой, держа винтовки с упёртым в ногу выше колена прикладом и склонённым несколько вперёд стволом на слегка согнутой в локте правой руке.³⁸ Бородастые кубанские и терские казаки в расшитых жёлтым басоном длиннополых красных черкесках и белоснежных бешметах, высоченных мерлушковых папахах с алым верхом. Впереди взводов – офицеры с обнажёнными кавказскими шашками, залитые серебром металлического прибора и галунов.

Следом за конвойцами – литаврщик и хор трубачей Конной гвардии, усатые великаны на огромных шестивершковых³⁹ серых лошадях. Каски с Андреевской звездой схвачены под подбородком металлической чешуей, двуглавые орлы, распластав когтистые лапы и вздев к небу два горбатых клюва, точно плыли по воздуху на своих серебряных крыльях. Солнечные лучи ударяли в каски, чтобы отражаться ослепительными огнями. Громкое бряцанье тяжёлых палашей, стремян и

мундштуков.

Эскадрон царскосельских гусар в алых доломанах и роскошных белых ментиках, на тёмно-серых скакунах, сменялся шефскими ротами 1-й Гвардейской пехотной дивизии⁴⁰ в мундирах с траурным чёрным крепом. Дюжие богатыри-преображенцы, синеглазые семёновцы, бородастые красавцы-измайловцы и широколицые лейб-егеря мерно проплывали, оцетинившись синеваой штыков.

Сорок придворных лакеев, придворные скороходы, гоф-фурьеры и камер-фурьеры украшали шествие своими роскошными парадными ливреями, густо покрытыми золотыми лентами с чёрными двуглавыми орлами.

За ними шагали шестнадцать пажей в расшитых золотым галуном придворных мундирах и белых штанах навывпуск. На их касках развивались тяжёлые белые султаны из конского волоса. Камер-пажи выглядели ещё наряднее – в белых лосинах, лакированных высоких ботфортах и со шпагами на золотых галунных портупелях.

---

³⁷ 20 января 1808 года Высочайше повелено: «За отличное мужество, храбрость и неустранимость в сражениях с французами 1806 и 1807 годов в почёт полка, состоящие в нём шапки оставить в том виде, в каком он сошёл с поля сражения».

³⁸ «Ружья в руку» – приём, установленный только для Конвоя при отдавании воинской чести в конном строю.

³⁹ Т.е. ростом в холке не менее 2 аршин 6 вершков (168,4 см).

⁴⁰ Император Николай II состоял шефом Лейб-Гвардии Гусарского, Преображенского, Семёновского, Измайловского и Егерского полка. Первые (шефские) эскадрон и роты в этих полках именовались «Его Величества».

Колыхалось множество знамён и штандартов. От каждой губернии было направлено по знаменосцу, несущему стяг с гербом губернии и ведущему лошадь со щитом, изображающим герб главного города.

Латник в позолоченных латах, на великолепном огненно-рыжем скакуне, с богатым чепраком, расшитым золотом, и таким же убором, следовал с обнаженным мечом в руке. Его сверкающий рыцарский шлем с откинутым назад забралом был украшен тремя перьями – чёрного, желтого и белого цветов – цветов Российской Империи.

Следом шёл пеший латник в чёрных латах, с обнаженным и опущенным вниз мечом, эфес которого обит чёрным флером. Забрало на чёрном шлеме рыцаря было опущено вниз.

Чиновники несли многочисленные гербы российских земель, Шлезвиг-Гольштейнский, Таврический, Сибирский, Финляндский, Польский, Астраханский, Казанский, Новгородский, Владимирский, Киевский, Московский.

Государственный Большой Герб, предшествуемый четырьмя генерал-майорами, несли два генерал-майора и два полковника, при двух ассистентах из штаб-офицеров.

Следом шли представители всех сословий и земских учреждений, члены самых различных императорских обществ, министры и члены Государственного Совета.

Мрачные герольды в супервестах, на груди и спине которых горделиво раскинули крылья шитые золотом орлы. Чёрные чулки и сапоги, четырёхугольные шляпы с букетом из перьев, перчатки с раструбом из чёрного бархата с серебряным гасом и бахромой.

Затем, предшествуемые шефским эскадромом «жёлтых кирасир»⁴¹ на караковых лошадях, офицеры несли на красных подушках все короны Российской Империи, которые символизировали различные царства, Польское, Грузинское, Сибирское, Астраханское, Казанское, Таврическое. Отдельно несли «Шапку Мономаха», потом следовали все императорские ордена и награды, царская корона, три государственных печати Российской Империи.

По обе стороны процессии двигался шпалерами батальон Павловского военного училища, служившего в русской армии рассадником специалистов шагистики и фронтовой службы, отличавшихся безукоризненной выправкой.

Певчие Александро-Невской лавры и Исаакиевского собора возглавляли многолюдную духовную процессию, имея в руках зажжённые свечи. Многочисленные придворные певчие, протодиаконы, священники с иконами и царский духовник.

Похоронную колесницу, которой правил самый старейший возница двора Его Величества, тянули восемь вороных лошадей в чёрных пополах, а на голове у них были закреплены три пера национальных цветов. Царский гроб был закрыт роскошным покровом из золота и парчи, отороченным горностаем, на котором был вышит императорский герб. По обе стороны от гроба двенадцать генерал-адъютантов держали стойки балдахина, двенадцать генералов Свиты держали шнуры от балдахина, а двенадцать флигель-адъютантов – кисти.

По обе стороны печальной колесницы шли с факелами шестьдесят пажей, а восемь конюшенных офицеров вели лошадей, накрытых пополами.

И уже следом – огромная толпа венценосных особ, министров, сановников и свитских генералов, замыкаемая мрачным строем дворцовых гренадер в медвежьих шапках.

Александра Фёдоровна отказалась ехать в карете, несмотря на то, что чувствовала себя очень скверно. Она пешком шла за гробом, поддерживаемая Великим князем Сергеем Александровичем и Эллой. Императрица была очень бледна. Казалось, что она никого не замечает вокруг, глубоко погружённая в своё горе и серьёзность момента. Полы её длинного траурного платья волочились по мостовой, но это не вызывало у Аликс абсолютно никаких эмоций.

Вид этой молодой красивой женщины, раздавленной горем, вызывал двоякие чувства у окружающих. Одни не могли избавиться от той подлой мысли, внушаемой повседневной

---

⁴¹ Прозвище Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка, имевшего жёлтый приборный цвет сукна.

молвой, что именно после приезда Алисы Гессенской в Россию хоронят уже второго царя, что она пришла на престол «вслед за гробом». Другие, видя наполненные слезами глаза молодой вдовы и её безутешное горе, сами не могли сдержать слёз.

Великие князья, следовавшие за гробом вперемешку с представителями иностранных держав, держались весьма настороженно и неуверенно, явно опасаясь каких-либо внутренних конфликтов, которые могут вызвать публичный скандал.

Когда кортеж медленно пересёк Неву по мосту, соединяющему город с островом, на котором построена Петропавловская крепость, Александра Фёдоровна потеряла сознание и наверняка упала бы на мостовую, но Сергей Александрович удержал её. Это на некоторое время нарушило ход траурной процессии.

Лейб-медик Алышевский⁴² дал Императрице нюхательную соль, после чего та пришла в себя.

Ей казалось, что время бежит так быстро, неумолимо приближая тот страшный миг, когда её милого Ники скроет крышка саркофага.

Несчастливая Аликс, отрешённая от всего мира, не замечала ни мучительных болей в пояснице, ни головокружения, ни то, как долго тянется панихида.

Митрополит Палладий⁴³ уже окончил отпевание, а Александра Фёдоровна никак не могла проститься с мужем и не разрешала закрывать гроб. Застыв в полубморочном состоянии, как мраморное изваяние, она не позволяла продолжить погребение, а заполненные слезами прекрасные синие глаза выдавали её внутреннюю истерику...

Лишь после того, как Великий Князь Сергей Александрович несколько раз настойчиво повторил царице, что надо вспомнить о том, что теперь она – регент Российской Империи, и что нет никого выше её, кроме Бога, Александра Фёдоровна отошла от гроба.

Николай Второй был похоронен под пушечные залпы в Петропавловском соборе рядом с саркофагом отца. Недолгое правление окончилось трагически, практически не успев начаться.

Правители не могут горевать, не имеют для этого времени и возможности, и Аликс пришлось сделать необычайные усилия, чтобы взять себя в руки и, подчиняясь правилам, приветствовать войска, проходящие церемониальным маршем, и принимать приветствия от них.

Гремящие звуки бодрого военного марша беспощадно били её по барабанным перепонкам и ранили душу, в которой отныне навсегда поселилась печаль.

* * *

Член Государственного Совета Половцев⁴⁴ вечером того же дня написал в своём дневнике: «Сегодня присутствовал на панихиде у катафалка покойного Императора. Было столпотворение. Когда же служба закончилась и все уже покинули церковь, я увидел, как из соседней комнаты вышла молодая царица. Она едва держалась на ногах и шла, опираясь на руку сестры Елизаветы. Великий Князь Сергей сопровождал её. Несчастливая упала перед гробом и зашлась в истерических рыданиях. Затем она покрыла долгими поцелуями лоб и всё лицо покойного. Потом царица, шатаясь, вышла, поддерживаемая с двух сторон. Господи, что же ждёт впереди эту несчастную? Она совсем ещё ребёнок, и ей предстоит править всей огромной Империей. Зная хищнические повадки нашего двора, подозреваю, что Александрю просто сожрут и даже не подавятся. Какие бури и катаклизмы ждут Россию?»

---

⁴² Алышевский Владимир Ясонович, действительный статский советник. Лейб-медик Двора Его Императорского Величества. Директор и главный врач Александровской женской больницы и Мариинской больницы для бедных.

⁴³ Палладий, [митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский](#) (1892), первенствующий член [Святейшего Правительствующего Синода](#).

⁴⁴ Половцев Александр Александрович, действительный тайный советник. Сенатор (1872). Государственный секретарь и член Комитета финансов (1883). Член Государственного Совета (1892). Почётный член Императорской Академии наук (1884).

Глава 5

Прошедшие с момента покушения две недели превратили вчерашнюю беззаботную принцессу Аликс в регента Российской Империи и местоблюстителя Императорского престола. Дерзкое покушение, мученическая смерть любимого мужа и внезапно свалившаяся на её хрупкие плечи власть, всё это не могло не оставить неизгладимых следов в душе Александры Фёдоровны. Придворные удивлялись, откуда берёт силы эта юная 23-летняя женщина. Многие ждали, что гессенская гордячка сломается и будет проводить свои дни в окружении сердобольных дам, но уже на следующий после похорон день Императрица пригласила к себе Великого Князя Сергея Александровича и графа Воронцова-Дашкова.

Она зашла в кабинет, в простом тёмном платье, без единого украшения. В наружности Императрицы появилось что-то холодное и даже отталкивающее. Сжатые тонкие губы, отстраненный взгляд непроницаемых сине-ледяных глаз.

Великий Князь и министр внутренних дел приложились к руке Императрицы и после её разрешения уселись в кресла.

Александра Фёдоровна сразу же перешла к делу.

– Вы прекрасно знаете, что у меня нет никакого опыта в государственных делах. Покойный Государь сам принимал доклады министров, давал приказания, как и его батюшка, Император Александр. Мне же всему нужно учиться. – Императрица сделала небольшую паузу. – Даже после рождения наследника мне придётся учиться управлять государством, поэтому я хочу учредить особую должность первого министра, который принял бы на себя тяготы управления Россией. За образец можно взять пример Британии, где премьер-министр отвечает перед королевой за деятельность всего кабинета.

Первым отозвался граф Воронцов-Дашков:

– Ваше Императорское Величество! В своё время я знакомился с организацией управления в иных европейских государствах. И нужно сказать, что наша, русская система, чуть ли не самая сложная и запутанная. Даже британцы с их многочисленными лордами и пэрами, и те умудряются разрешать государственные дела гораздо быстрее, чем это получается у нас. Со времён Петра Великого русские самодержцы создавали разные ведомства, затем их реформировали, но стройной, правильной системы власти государство так и не получило. И ежели Ваше Величество желает учредить должность первого министра, то я осмелюсь высказать свои предположения по этому поводу.

– Для этого я и пригласила Вас, Илларион Иванович, – тихо отозвалась Императрица. – Мне известно, что Вы обладаете не только преданностью престолу, но и огромным опытом, как военным, так и государственным.

– Благодарю, Ваше Императорское Величество! – бодро продолжил граф. – Я хотел заметить, что в России ведь нет правительства, нет кабинета министров, как то устроено в иных европейских государствах. У нас есть Комитет министров, и есть его председатель, но председатель этот не является премьер-министром. Николай Христофорович Бунге⁴⁵ не имеет никакой власти над министрами, все его полномочия – это председательствовать на заседаниях Комитета министров, не более того. Все министры абсолютно независимы друг от друга, отвечают за деятельность своих ведомств единолично, имеют независимые доклады. Комитет министров не отвечает за деятельность отдельных министерств. Первый министр, ежели это будет угодно Вашему Величеству, должен иметь рычаги влияния на подчинённых ему министров, он должен знать предмет ведения того или иного министра и указывать направление

---

⁴⁵ Бунге Николай Христианович, действительный тайный советник. С 1881 г. член Государственного Совета. С 1887 г. Председатель Комитета Министров.

деятельности. Но я хочу напомнить, что в Британии премьер-министр ответственен не столько перед королевой, сколько перед парламентом. В России парламента, слава Богу, нет, и не будет. В наших же условиях самодержавной монархии достаточно восстановить звание государственного канцлера, пожаловать ему полномочия контролировать министров, чтобы Российская Империя обрела полноценное правительство.

Сергей Александрович поддержал министра внутренних дел:

– Я сам четыре года был московским генерал-губернатором и понимаю Иллариона Ивановича, когда он говорит о несуразности существующей системы управления. У нас все губернаторы и губернские чиновники числятся по МВД, а само министерство ведает таким кругом вопросов, что диву даёшься. Полиция, земства, почты и телеграф, цензура, медицина... Вот морской министр имеет конкретную область деятельности, военный флот, и никому не придёт в голову сделать его ответственным за выращивание лошадей. Я составил было записку на Высочайшее имя о необходимости преобразования министерства внутренних дел, но так и не подал. А вот сейчас считаю возможным и необходимым выделить из его состава хотя бы Главное управление почт и телеграфа. А если в России появится канцлер, ответственный не только за иностранные дела, но и за внутреннее управление, то и губернаторы тоже должны на него замыкаться и ему подчиняться непосредственно.

Александра Фёдоровна обратилась к Воронцову-Дашкову:

– Спасибо, Илларион Иванович, я хотела назвать должность первого министра «канцлером», но мне показалось, что это будет звучать слишком по-немецки... Будет напоминать о Бисмарке... Но если Вы считаете, что для русского слуха слово «канцлер» не будет чужим, то пусть так оно и будет.

Императрица пыталась говорить по-русски, но затем перешла на французский.

– Я считаю, что лучшей кандидатуры на должность канцлера, чем Великий Князь Сергей, не найти...

Сергей Александрович встал с кресла. Было видно, что предложение Императрицы стало для него полной неожиданностью. Выдержав короткую паузу, Великий Князь горячо заговорил:

– Я не могу принять такое предложение! Совсем не потому, что я опасаюсь ответственности. От службы я никогда не убегал. Я поклялся, я дал слово покойному племяннику... Но такое назначение может иметь весьма пагубные последствия. Те повеления, которые Николай дал в последние дни своей жизни, вызвали неприятие у некоторых сановников, да и среди Императорской Фамилии. И если я буду назначен на высшую должность в государстве, выше которой фактически будет только монарх, могут начаться пересуды, что я узурпировал власть.

– Ваше Императорское Величество, – отозвался граф Воронцов-Дашков, – я вынужден согласиться с мнением Сергея Александровича. В сложившейся ситуации будет неверным и опасным даже назначать на должность канцлера члена Императорской Фамилии. И в то же время России нужен канцлер, имя которого будет значить не только внутри страны, но и за её пределами. Человек с опытом, но не престарелый, а бодрый и работоспособный. И я знаю только одного человека, который способен принять на себя такую тяжёлую ношу. Это граф Николай Павлович Игнатъев,⁴⁶ Ваше Величество.

– Чем же так замечателен этот человек?

– О, граф Игнатъев – это даже не человек, – ответил Императрице Сергей Александрович, довольно усмехнувшись. – Это эпоха, это хитрый дипломат, опытный политик... Бухара, Китай, Константинополь, Болгария... Он был министром внутренних дел, но в 1882 году у него были разногласия с покойным братом, и теперь он заседает в Государственном Совете. Могу

---

⁴⁶ Граф Игнатъев Николай Павлович, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Член Государственного Совета (1877). Министр государственных имуществ (1881). Министр внутренних дел (1881-1882).

сказать одно, что человек этот со своим мнением, и он истинно русский человек. Илларион Иванович назвал имя именно выдающегося государственного человека, а не серого канцелярского служащего.

– Но если граф Игнатъев такой выдающийся человек, то с чем была связана его отставка? – поинтересовалась Императрица. – Увы, я ничего об этом не знаю.

– Понимаете, Ваше Императорское Величество, – ответил граф Воронцов-Дашков, – покойный Государь Александр Третий не одобрил начинания графа Игнатъева относительно созыва Земского собора. Граф Игнатъев подал Императору проект Высочайшего манифеста, предлагавший созыв народного представительства в виде собора одновременно с коронацией в Москве. Государь очень ревниво относился ко всему, что хоть в малейшей мере напоминало бы о конституционных началах. Хотя, если внимательно читать, то граф Игнатъев мыслил не о создании законодательного представительства, а лишь о проведении священного венчания и миропомазания перед собором высших иерархов церкви, высших чинов правительства, высших избранных дворянства и городов и выборных от простого народа. Хотя у меня и были некоторые разногласия с графом Игнатъевым, я также считаю возможным и необходимым созыв Земского собора. А в нынешней ситуации я просто не вижу иной кандидатуры на пост канцлера Империи. Не время теперь вспоминать о наших былых недоразумениях.

Сергей Александрович подхватил:

– Граф Игнатъев способен управлять твёрдой рукой, решительно и умело. Будучи министром, он очень много сделал для преодоления еврейского засилья, а сегодня этот вопрос снова стоит. Еврейские погромы, которые прошли после покушения, это уже не просто так. В Петербурге, в Москве, в Киеве...

– Хорошо, пригласите графа Игнатъева завтра к десяти часам, и военного министра Пузыревского, – сказала Императрица. – Илларион Иванович, что нового известно о покушении?

Министр встал с кресла, открыл папку, достал бумаги.

– Дознание пока что не окончено, но основные результаты уже есть, Ваше Величество. Установить личность бомбиста пока не удалось, хотя полиция и жандармы работают по этому вопросу, розыски продолжаются. В кармане бомбиста нашли финляндский паспорт на имя Эйно Карловича Парвиайнена из Улеборга. Паспорт этот не фальшивый, подлинный. Он был выдан злоумышленнику финскими властями, но вот на каком основании? В Улеборге значатся только два Эйно Парвиайнена, одному уже восемьдесят лет, второму – шестьдесят два. А бомбисту на вид лет двадцать пять. Не сомнений, что имя в паспорте вымышленное. Я приказал установить лиц, виновных в незаконной выдаче паспорта, но финны, как обычно, препятствуют расследованию.

– Как, кто-то смеет помешать расследованию? – возмутилась Императрица. – Ведь речь идёт о царубийстве!

Граф Воронцов-Дашков стал объяснять Императрице, что, увы, но Великое Княжество Финляндское обладает определенными отличиями от остальной территории Российской Империи, что там имеется собственный Сенат, действует Сеймовый Устав, официальное делопроизводство ведётся на финском языке... Что там в ходу не российские рубли, а финские марки... И что там существует собственная финская полиция.

Александра Фёдоровна узнала, что деятельность полиции регулируется законами, принимаемыми финским Сеймом, что полиция Великого Княжества сформирована исключительно из финляндских подданных, а вмешательство российской полиции в дела княжества считается финнами нарушением внутреннего самоуправления.

Сергей Александрович перебил министра:

– Давно пора кончать с этими финскими причудами. Сколько их не корми, они всё едино смотрят в сторону Швеции. Вся эта их автономия, все их сеймы и конституции, всё это даро-

вано им Россией, русским царём. Но они этого или не понимают или же просто не желают понимать. Не пора ли раз и навсегда покончить с этой мышью возней? Выдача финляндского паспорта злоумышленнику – это не просто мздоимство отдельного финского чиновника, это посягательство на устои самодержавия. Если сейчас спустить финнам причастность их чиновников к царубийству, то что будет завтра?

Императрица выслушала и сказала:

– Илларион Иванович! Подготовьте такие изменения в наши законы, чтобы Финляндия снова стала частью Российской Империи. И ещё... Никто не смеет препятствовать проведению дознания относительно царубийства. Виновные в выдаче паспорта злоумышленнику должны быть покараны, даже если Вам придётся направить в Финляндию полк казаков. Я хочу, чтобы виновных судили не в Гельсингфорсе, а в Петербурге.

– Слушаюсь, Ваше Императорское Величество, – ответил Воронцов-Дашков. – Судебные медики осмотрели труп злоумышленника. Сомнений быть не может, он иудейского вероисповедания, самый настоящий еврей, а никакой не финн. Да и пальто его, костюм, всё это парижского пошива, а не гельсингфорского. Одет он очень прилично по парижским меркам. Убеждён, что бомбист прибыл из Франции, но действовал ли он самостоятельно, или же принадлежал к противоправительственной тайной организации, пока сказать не могу.

– Еврей? Скажите, Илларион Иванович, много ли евреев среди антиправительственных злоумышленников?

Императрице ответил Сергей Александрович:

– В последнее время участие евреев в политических делах значительно выросло. Я читал доклады жандармского начальства, не только московского. Раньше евреи представляли из себя робкий, запуганный элемент, но теперь характер евреев совершенно изменился. Наглые, решительные, злобные. И чем больше евреев принимает участия в политических делах, тем больше они становятся дерзкими. Евреи, прежде боявшиеся всякого оружия, стали вооружаться револьверами и кинжалами. Всё это становится опасным явлением. Имеется общая историческая ненависть русского населения к еврейскому, и имеется эксплуатация еврейским населением русского в торговле и промышленности. Нужно что-то делать, иначе евреи полностью выйдут из подчинения, или же русское население возмутится до такой степени, что погромы охватят всю Империю.

– А теперь они убили Ники, – тихо сказала Императрица. – Этого я им никогда не прощу... Никогда... Илларион Иванович! – голос Александры Фёдоровны стал ломким и неестественным, – прошу Вас подготовить предложения, что необходимо сделать для того, чтобы с еврейскими смутьянами было покончено.

– Слушаюсь, Государыня! Я бы хотел также представить Вашему Величеству кандидатуры директора Департамента полиции и командира корпуса жандармов. Я буду просить вернуть на пост директора Департамента тайного советника Плеве.⁴⁷ Вячеслав Константинович досконально знает полицейское дело, и теперь необходимо вернуть его из Государственного Совета. И я буду просить наградить его чином действительного тайного советника.

– Вы имеете карт-бланш на любые назначения, Илларион Иванович. Я согласна на Ваши предложения. А кого Вы хотите видеть во главе жандармерии? – спросила Александра Фёдоровна.

– Генерала Новицкого,⁴⁸ Государыня... Я вызвал его из Киева, он завтра должен прибыть. Новицкий – человек чести и долга, с большим опытом борьбы со всякой революционной заразой. Почему из Киева? Потому, что наши столичные жандармы заигрались, ставя красивые

---

⁴⁷ Плеве Вячеслав Константинович, тайный советник. С 1885 г. товарищ министра внутренних дел, с 1894 г. Государственный секретарь и главноуправляющий кодификационной частью при Государственном Совете.

⁴⁸ Новицкий Василий Дементьевич, генерал-майор. С 1874 г. начальник Тамбовского губернского жандармского управления. С 1878 г. начальник Киевского губернского жандармского управления.

комбинации, которые приносят, разве что, чины и ордена отдельным лицам, но не искореняют крамолу. Охранные отделения докладывают, что завербовали чуть ли не всех революционеров, но мне нужны не красивые отчёты, а реальные дела, реальные посадки. Василий Дементьевич Новицкий во главу угла ставит не красивые шахматные ходы, а достижение результатов. Ваше Императорское Величество! Мы больше не вправе рисковать и надеяться только на милость Божию. Цареубийство больше не должно повториться...

Императрица задумчиво посмотрела на графа. По её напряжённому лицу пробежал лёгкий нервный тик.

– Илларион Иванович, – голос Александры Фёдоровны едва заметно дрогнул. – Вы поклялись защищать престол, защищать меня и будущего наследника. Я прошу Вас... Накажите этих мерзавцев... Уничтожьте их всех... Всех, кто замыслил против моего Николая. Всех, кто хочет извести царскую Фамилию... Царствование Николая было царствованием доброты и мягкости, а теперь будет царствование власти и твёрдости. Как жестоко ошибаются те, кто рассчитывает, что я не найду сил на царствование, все они почувствуют железную волю и руку. Довольно доброты! Всемогущий Господь нам поможет сокрушить врагов России!

Императрица говорила громко и решительно, как будто отдавала строевые команды на плацу. Красные пятна, появившиеся на лице, выдавали её крайнее волнение.

Министр внутренних дел вытянулся в струнку, словно юный корнет.

– Ваше Величество! Они отняли у меня Государя и отняли старшего сына. Пусть каждому воздастся по заслугам его! Если уж так случилось, то я буду той злобной собакой, которая будет грызть революционеров, всех врагов престола! Позвольте мне откланяться, Государыня, чтобы встретиться с Плеве и графом Игнатьевым.

– Да, Илларион Иванович, и прикажите подготовить приказы по Плеве и Новицкому. А мы пока пообщаемся с Великим Князем.

Граф Воронцов-Дашков поцеловал руку Императрицы и удалился. Сергей Александрович спросил:

– Аликс, ты хотела о чём-то посоветоваться?

– Я хотела узнать, почему ты отказался стать канцлером Империи...

– Аликс! – Великий Князь встал с кресла и стал расхаживать по кабинету. – Ты прекрасно знаешь, как отнеслись к последней воле Ники многие наши родственники, начиная с твоей свекрови. Я поддержал Ники и поддержал тебя, и причина этого не в Элле. Твоя сестра – ангел во плоти, я очень её люблю и ценю, но моя поддержка исходит из того, что я желаю блага России, боюсь смуты и анархии. Назначение же меня канцлером могло быть расценено многими сплетниками, как плата за мою поддержку. Михень первая бы стала судачить по тому поводу на каждом углу. Нужно ли это сегодня?

Императрица перешла на русский язык:

– Но где же брать людей? Как отделять преданных и способных от бесполезных льстецов? Знаешь, я очень путаюсь во всех этих хитросплетениях. Я очень плохо разбираюсь в людях, и надежда только на тебя.

Сергей Александрович сформулировал ответ быстро и очень чётко, даже не задумываясь.

– Твой покойный свёкр, Александр Третий, когда вступил на престол, прежде всего стал подбирать сановников, способных точно и беспрекословно исполнять его волю. Тогда очень многие были отправлены в отставку, а новые сотрудники были обязаны Императору своим возвышением. Поэтому тебе следует либо же выдвигать молодых, чтобы они своим возвышением были обязаны тебе и только тебе, либо же возвращать на службу тех, кто был задвинут прежде.

– Будет ли это правильно понято? – спросила Императрица. – Высший свет настроен явно против меня... Мария Фёдоровна, многие великие князья, придворные... Что скажет армия? Что скажет простой народ?

– Несомненно, такие твои шаги будут проявлением силы и решительности. Смотри, вот наш новый военный министр Пузыревский, он сравнительно молод, ему сейчас сорок девять лет... Он обязательно начнёт шерстить наших престарелых генералов. И, поверь мне, это пойдёт на пользу русской армии. Думаешь, у нас мало престарелых сановников? Когда в 1891 году брат назначил меня в Москву, я сменил там князя Долгорукова,⁴⁹ которому исполнился восемьдесят один год. За двадцать пять лет своего правления Долгоруков столько натворил на Москве, что мне с трудом удалось навести там порядок. Я убедился, что за него фактически управляли разные мелкие чиновники, писари и лакеи, а сам князь плясал под дудку жида Лазаря Полякова,⁵⁰ с которым водил тесную дружбу. Многие наши министры состарились, как тот же Бунге или Ванновский. Или Делянов,⁵¹ чьи заслуги несомненны, но ему уже семьдесят семь лет. Можно ли требовать от человека в таком преклонном возрасте активной работы? Было бы правильным награждать престарелых чиновников за многолетнюю службу достойной пенсией, пожалованием чина и мундира, а призывать на их должности людей молодых и энергичных.

Дверь кабинета открылась, зашёл дежурный флигель-адъютант и доложил, что министру двора поступила записка от Победоносцева⁵² с просьбой аудиенции у Императрицы. Александра Фёдоровна приказала назначить аудиенцию на следующий день, после чего поинтересовалась у Сергея Александровича, что он думает о Победоносцеве.

– Константин Петрович – воистину великий человек, – воскликнул Великий Князь. – Трудно найти такого знатока русской души, такого истинно православного человека, как он. К нему следует прислушиваться, но... Победоносцев был учителем и наставником двух царей, и уже потому привык давать не просто советы, а именно указания... Если Игнатъев станет канцлером, то Победоносцев будет противником такого назначения, у них старые разногласия. Пусть он занимается Синодом, делами духовными, а дела мирские как-либо без него разрешим.

– Спасибо, вы с Эллой меня очень поддерживаете в такое трудное время. Господь Бог не оставит вас без своего благословения, дядя Серж... Я обязана теперь нести свой крест, царствовать и управлять...

Господи, как же мне плохо без моего любимого Ники!

Великий Князь продолжил:

– Аликс! Мы сегодня уже поднимали вопрос о евреях. Было бы ошибочно думать, что евреи – это только революционеры, ремесленники и аптекари. Жиды в России – это банки, биржа, торговля, печать. Они опутали всех нас, отравляют русский организм. Еврейский яд, это такой паразит, который, попав в здоровый организм, непременно плодится до бесконечности, очень быстро, и чем организм свежее и восприимчивее, тем быстрее множатся бесчисленные грибки.

Из уст Сергея Александровича эти слова звучали как-то торжественно-ужасно. Он говорил с глубоким знанием дела, ибо досконально изучил еврейский вопрос, и в его генерал-губернаторство в 1891 году состоялось Высочайшее повеление о воспрещении евреям-ремесленникам переселяться на жительство в Москву и Московскую губернию, что привело к выселению из Москвы всех ремесленников иудейского вероисповедания. Затем, по Высочай-

⁴⁹ Князь Долгоруков Владимир Андреевич, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Генерал-провиантмейстер, член Военного Совета. Московский генерал-губернатор (1865-1891).

⁵⁰ Поляков Лазарь Соломонович, глава московской еврейской общины. Председатель правления Московского Международного торгового банка, Орловского коммерческого банка, Московского земельного банка, Коммерческого страхового общества, учредитель Азовско-Донского и Русского Торгово-промышленного банков.

⁵¹ Граф Делянов Иван Давыдович, действительный тайный советник. Камергер Двора Его Императорского Величества, статс-секретарь. Член Государственного Совета (1874). Министр народного просвещения (1882).

⁵² Победоносцев Константин Петрович, действительный тайный советник. Сенатор. Член Государственного Совета (1872). Почётный член Императорской Академии наук (1880). Член Комитета министров, обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода (1880).

шему повелению, инспирированному Сергеем Александровичем в 1892 году, было приказано выселить из Москвы и Московской губернии всех нижних чинов еврейского происхождения из николаевских рекрутских наборов. В соответствии с этими повелениями в течение двух лет было выселено примерно 25-30 тысяч человек, что составляло около трёх четвертей всего еврейского населения Москвы.

Сергей Александрович напомнил Императрице о том, что многие крещёные евреи проникли на государственную службу, достигнув немалых чинов благодаря своей хитрости и ловкости. В качестве яркого примера он привёл действительного тайного советника Перетца,⁵³ которого покойный Александр III в своё время вышвырнул с должности Государственного секретаря, но вышвырнул не в отставку, а в Государственный Совет. Нужны ли на государственной службе люди, которые могут в любой момент предать? Не пора ли, наконец, избавиться от еврейского засилья?

Вошедшая в кабинет учительница Шнейдер⁵⁴ прервала цветистую речь Великого Князя. Он попросил разрешения удалиться, после чего Императрица приступила к очередному уроку русского языка. Прекрасно понимая, что она обязана досконально знать язык своей новой Родины, Аликс сделала такие уроки обязательными. Каждый день, утром и вечером, она превращалась в послушную ученицу, неумоимо повторяя эти безумно сложные русские слова и высказывания.

---

⁵³ Перетц Егор Абрамович, действительный тайный советник. Статс-секретарь (1872). Государственный секретарь (1878-1882). С 1883 г. член Государственного Совета.

⁵⁴ Шнейдер Екатерина Адольфовна, учительница русского языка, обучавшая Императрицу.

Глава 6

На следующий день Великий Князь Сергей Александрович утром был у Императрицы. Александра Фёдоровна чувствовала себя неважно. Всю ночь её мучили сильные головные боли, не давая выспаться. Уснуть удалось лишь к утру, снились разные кошмары, и Аликс проснулась вся в слезах.

Тяжело протекающая беременность и недавно пережитые душевные потрясения сделали Императрицу нервной и излишне раздражительной. С утра она сделала замечание дежурной фрейлине за слишком легкомысленное платье, явно неуместное в дни траура. Когда же фрейлина попыталась дерзко возразить, Александра Фёдоровна не сдержалась, вышла из себя, накричала и приказала ослушнице больше никогда не появляться во дворце.

Генералов Чекмарёва⁵⁵ и Мешетича⁵⁶, командиров гвардейских стрелковых батальонов, явившихся по обычаю с поздравлениями по случаю их батальонного праздника,⁵⁷ Императрица приняла вместе с Сергеем Александровичем.

Говорила с генералами только на русском языке, весьма успешно, было заметно, что вчерашние занятия с Екатериной Адольфовной пошли на пользу. Императрица поблагодарила генералов за верную службу, пожаловала нижним чинам 1-го батальона по серебряному рублю. Сергей Александрович, состоявший с рождения шефом 2-го батальона, также пожаловал своим гвардейцам по рублю.

Когда генералы удалились, Великий Князь ознакомил Александру Фёдоровну с двумя записками, поданными графом Игнатьевым ещё в марте 1881 года министру внутренних дел.

– Вот послушай, Аликс, – сказал он, – какие мысли высказывал Игнатьев тогда. Хотя прошло четырнадцать лет, всё это важно сегодня. Николай Павлович – человек государственного ума.

Великий Князь стал зачитывать первую записку, переводя на французский непонятные Александре Фёдоровне моменты.

Особо он выделил следующие строки:

«...для успешного действия необходимо, чтобы Правительство освободилось от некоторых условий, которые сгубили лучшие начинания прошлого Царствования: в Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами она имеет громадное влияние и на чиновничество и вообще на весь ход дел.

Отдельными своими частями эта группа соприкасается и с развившимся расхищением казны и с крамолой. Всякая энергическая попытка прекращения казнокрадства и борьбы с крамолой до настоящего времени парализовалась её усилиями.

Проповедуя слепое подражание Европе, люди этой группы, ловко сохраняя своё нейтральное положение, очень охотно пользуются крайними проявлениями крамолы и казнокрадства, чтобы рекомендовать свой рецепт лечения: самые широкие права полякам и евреям, представительные учреждения на Западный образец.

---

⁵⁵ Чекмарёв Андрей Иванович, генерал-майор. Командир Лейб-Гвардии 1-го Стрелкового Его Величества батальона (1893).

⁵⁶ Мешетич Николай Фёдорович, генерал-майор. Командир Лейб-Гвардии 2-го Стрелкового батальона (1891).

⁵⁷ Батальонный праздник Лейб-Гвардии 1-го Стрелкового Его Величества батальона и Лейб-Гвардии 2-го Стрелкового батальона – 17 апреля (день памяти Святых Зосимы и Савватия Соловецких).

Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими криками, твердящими о том, что нужно слушать только «интеллигентный» класс, а что русские требования следует отвергнуть как отсталые и непросвещенные».⁵⁸

Александра Фёдоровна внимательно слушала. Ей были интересны мысли незнакомого пока ещё графа Игнатьева, которого ей прочили в первые министры.

Великий Князь окончил чтение и сказал:

– Аликс, прежде чем ты примешь Игнатьева, я тебе должен сообщить нечто важное. Мне доложили, что граф сильно поиздержался. Он владеет несколькими имениями, но все они малодоходны, их приходилось закладывать, перезакладывать. Граф не мог заниматься хозяйственными вопросами, а управляющие, на которых ему приходилось полагаться, далеко не всегда были честны. В Константинополе он каждую неделю проводил в здании русского посольства балы по сто пятьдесят-двести человек, и не за счёт казны, а за личные средства... Поэтому теперь тебе придётся погасить долги будущего канцлера.

– Ты прав, дядя Серж, я прикажу выплатить Игнатьеву столько, сколько нужно для погашения его долгов.

– Это нужно сделать. Чтобы там не говорил Витте.⁵⁹ Он, конечно, печётся о сохранности финансов и пополнении казны, но есть моменты, когда нужно его укоротить.

Граф Игнатьев не заставил себя долго ждать. Он появился в дверях кабинета Императрицы ровно в 10-00, как и было ему назначено. В парадном свитском мундире с потускневшими золотыми эполетами, с красной шёлковой муаровой лентой⁶⁰ через левое плечо, в свои 63 года он выглядел очень величественно и импозантно. Несмотря на генеральский мундир и воинственные роскошные усы, Николай Павлович больше выглядел дипломатом, чем военным. Глаза его светились той энергией, которая присуща молодым деятельным авантюристам. В Зимний дворец он прибыл в карете графа Воронцова-Дашкова, прекрасно знал, для чего приглашён, и был готов к серьёзному разговору.

Разговор начал Сергей Александрович.

– Николай Павлович! Её Величество просит Вас принять должность председателя Комитета министров и министра иностранных дел в звании канцлера.

– Ваше Императорское Величество! Покорно благодарю за оказанную мне высочайшую честь и доверие... Позвольте задать один вопрос, – живо отозвался Игнатьев.

– Я слушаю Вас, Николай Павлович... И прошу быть со мною полностью откровенным, я надеюсь, что Вы мой друг...

– Государыня! Я уверен, что Ваше Величество ознакомили с моими записками относительно государственного устройства и ближайших задачах внутренней политики, которые я подавал четырнадцать лет назад. Я считал тогда и считаю сейчас, что правительство может быть сильно только тогда, когда у него будет ясный путь, по которому оно будет идти. Для этого необходимо создание однородного министерства и устранение всякой личной политики отдельных министров.

Игнатьев вдруг стал мерно расхаживать по кабинету, сцепив руки за спиной. Затем, как бы опомнившись, он остановился и продолжил менторским тоном:

– Крайне необходимо создание общей политической и правительственной системы, чтобы правительство действовало систематически во всех, даже малейших своих действиях по всем отраслям государственного управления, держась одного и того же направления. Потому хотел бы знать, какими полномочиями я буду располагать, как канцлер. Ежели у канцлера не

---

⁵⁸ Записка графа Н. П. Игнатьева от 12-го марта 1881 г.

⁵⁹ Витте Сергей Юльевич, тайный советник. Начальник Департамента железнодорожных дел (1889). Министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892).

⁶⁰ Лента Императорского Ордена Святого Благоверного Князя Александра Невского.

будет инструментов воздействия на отдельных министров, ежели каждый министр будет проводить свою отдельную политику, не считаясь с главой правительства, то мы снова получим сопоставления новых форм общественной деятельности со старыми началами бюрократизма, что будет одним общим недоразумением.

Императрица встала с кресла, прошла к столу, и ответила, пристально глядя на Игнатъева:

– Николай Павлович! Мне известна русская пословица про kota в мешке. Вы явно не хотите покупать kota в мешке. Но я... как это говорят... Я не барышник.

Александра Фёдоровна говорила по-русски, медленно, тщательно подбирая каждое слово. Было видно, что ей пока ещё трудно изъясняться, и она перешла на французский.

– Я не скрываю ни от Вас, ни от иных моих искренних друзей, что пока я мало что смыслю в делах управления государством. Именно поэтому я хочу призвать Вас в первые министры Империи. Граф Илларион Иванович и Великий Князь Сергей рекомендовали мне именно Вас, как верного слугу престола, истинно русского человека. Я знаю, что Вы не простой генерал, Вы русская легенда. Господь Бог возложил на меня бремя власти. Я прошу Вас помочь мне нести этот крест. Вы спросили, какие у Вас будут полномочия... Николай Павлович! Я желаю, чтобы Вы разработали для себя такие полномочия, которые позволят не просто именоваться первым министром, но вместе со мною

служить величию России.

Игнатъев немного промедлил. Неловким движением руки в белоснежной перчатке он смахнул накатившие слёзы.

– Ваше Императорское Величество! Игнатъевы всегда верно служили России!

– Скажите, Николай Павлович, как Вы видите деятельность правительства в настоящее время? Уверена, что Вы пришли ко мне не с пустыми руками, а с определёнными мыслями.

Игнатъев немного подумал и ответил:

– Государыня! Россия находится на перепутье. Общество больно крамолой и нигилизмом. Правительству никто не верит, полиции никто не верит. Расстройство администрации и глумление над властью началось с высших чиновничьих кругов Петербурга и пошло в провинцию, потому отсюда же надо начать лечение болезни, подтачивающей наши силы и здравый смысл. Первоначальной задачей своей я вижу очищение государственного аппарата от различных либеральствующих элементов.

Сергей Александрович слушал Игнатъева и понимал, что граф настроен на серьёзные преобразования, но его, прежде всего, волновал вопрос, какими методами и средствами новый канцлер собирается бороться с террористами.

– Скажите, – обратился он к Игнатъеву, – Вы можете гарантировать, что революционная зараза будет искоренена, что престол и Государыня будут надёжно защищены от посягательств?

Игнатъев пояснил, что он не Господь Бог, и может гарантировать лишь то, что сделает всё возможное для защиты престола. Граф говорил по-французски, чтобы Императрице было более понятно, что он хочет донести до неё и Великого Князя.

В настоящее время, сказал Игнатъев, Россия вернулась в март 1881 года, в такие же страшные дни, которые последовали после цареубийства. Тогда, четырнадцать лет назад, не удалось сделать верные выводы и найти правильный путь. Испуг отдельных высокопоставленных сановников перед необходимостью перемен привёл к тому, что на долгие годы не удалось дать ответ на роковой вопрос, как и чем положить конец посягательствам шайки злодеев на жизнь русского царя, на жизнь русского народа. Как бы ни были преступны действия фанатиков, борьба со всяким даже и фанатическим мнением возможна и успешна лишь в том случае, когда она не ограничивается одним воздействием материальной силы, но когда заблуждению противопоставляется верная мысль, данной разрушительной идее – идея правильного государственного порядка.

Сейчас же, отметил Игнатъев, такая идея правительством не сформулирована. Самое упорное и настойчивое преследование крамолы всеми полицейскими и административными средствами должно быть задачей правительства. Но такое преследование является лишь лечением внешней стороны недуга, оно едва ли будет вполне действительным средством борьбы. Достижение конечной цели и искоренение зла возможно только под непременно условием – одновременно с таковым преследованием – неуклонного и правильного направления государства на пути мирного развития продолжением реформ и начинаний прошлых царствований.

Императрица внимала речи свежеиспечённого канцлера с большим интересом. Для неё было новым то, что говорил этот генерал. Она поймала себя на мысли, что до того ей приходилось видеть совершенно иных русских генералов.

– Николай Павлович, – сказала Императрица, воспользовавшись паузой Игнатъева, – Вы излагаете свои мысли почти как профессора в Гейдельбергском университете, где мне пришлось изучать философию. Только у них это получалось весьма скучно, а у Вас интересно и очень живо.

– Благодарю, Ваше Императорское Величество, за столь лестный отзыв. Должен сказать, что наши университеты учат философии, но не учат тому, как любить Россию. В этом и коренится зло, именно отсюда и рождается та самая крамола.

– Вы противник университетов, Николай Павлович? – удивлённо спросила Александра Фёдоровна.

Лицо Игнатъева покраснело. Вопрос был задан ему прямо в лоб и требовал такого же прямого и ясного ответа.

– Я, Ваше Величество, был и буду сторонником образования и просвещения. Но только такого образования, которое идёт в пользу России, а не во вред. Не понимать важности образования может только очень недалёкий человек. Его Высочество спросил, могу ли я гарантировать искоренение крамолы... Я твёрдо знаю, что в нынешнее сложное время есть три пути. Первый путь – усилить давление, карать жёстко и решительно! Но это лишь заставит недовольство уйти глубже. Второй путь – это пойти на уступки. Но каждый новый такой шаг будет ослаблять правительство, и будет вынуждать последующие уступки. В результате преобладающее значение в общественной жизни займёт интеллигенция, которая вмещает в себе всё более опасных элементов... Участие интеллигенции в делах приведёт к ограничению самодержавия, а Россия несомненно станет источником вечной смуты и беспорядков. Есть третий путь, спасительный путь. Нужно возвращение к старине, к земским соборам. Увы, так, как это делалось до сих пор, крамолу не победить. Нужно самым решительным образом бороться с крамолой. А для этого – созвать земских людей со всей России, чтобы в этой борьбе приняли участие не только правительство, но и все благомыслящие, верные царю русские люди. Поверьте, Ваше Величество, обращение к народу, к земле, в сочетании с решительными мерами по обузданию высшей бюрократии, всё это будет встречено всей Россией, за исключением петербургской либеральной прессы, с истинным удовольствием и восторгом.

Сергей Александрович дослушал Игнатъева и спросил, как же быть с еврейским вопросом, на что получил простой ответ.

Игнатъев ответил мгновенно:

– Ваше Высочество! Западная граница Российской Империи для евреев всегда открыта. Чем больше их уедет туда, тем меньше их останется здесь. Я считаю правила 1882 года уже недостаточными. Тогдашние либералы не позволили провести те меры, которые я полагал необходимыми. Потому считаю необходимым менять правила о евреях, создавать такие условия, чтобы правительство могло защищать русское население. И было бы неверным забывать о выкрестах. Я не такой наивный человек, как Победоносцев, и я не верю в искренность евреев, принявших крещение. Для них крещение – не более, чем ловкий способ обойти существующие ограничения. Увы, но евреи имеются даже среди высших сановников Империи.

Великий Князь реагировал очень бурно.

– Вы несомненно правы, Николай Павлович! Гнать, в три шеи гнать жидов! Хватит терпеть их. Гнать всех, начиная от простых ремесленников, заканчивая банкирами, заводчиками и чиновниками! И всех этих выкрестов, всех этих перебежчиков, туда же, за черту оседлости!

Из кабинета Императрицы Николай Павлович Игнатьев вышел государственным канцлером, председателем Комитета министров и кавалером ордена Святого Андрея Первозванного.

Ему было предоставлено право избрать кандидатуры на министерские должности, кроме министров двора, внутренних дел и военного министра. Этот неутомимый и необычайно деятельный человек получил полномочия не только создать сильное правительство и изменить правила для евреев, но и изменить саму систему управления государством.

Не успел канцлер покинуть предела Зимнего дворца, как придворные сплетники разнесли новость о появлении в России нового диктатора, способного не только говорить, но и делать. Эта весть разлетелась за считанные минуты.

Обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев попал на аудиенцию к Императрице, уже зная о назначении Игнатьева. Он понял, что исправить уже ничего нельзя, а идти против воли молодой Императрицы и быстро набравшего силу Великого Князя Сергея Александровича опасался, в свете событий последних двух недель, после громких отставок и таких же громких и неожиданных назначений.

Высказав Императрице свои соболезнования, Победоносцев стал очень беспокожно рассуждать о сложившейся в России ситуации. Это была речь человека, болеющего душой за судьбу Империи, человека, который уже давно привык к тому, что к его голосу прислушиваются все и вся, привыкшего давать не советы, а наставления и поучения. Искоренение крамолы, утверждение веры и нравственности, доброе воспитание детей, истребление неправды и хищений, всё это, по словам Победоносцева, должно послужить укреплению государства.

Великий Князь, слушая монотонную речь обер-прокурора, поймал себя на мысли, что Константин Петрович просто пересказывает содержание Высочайшего манифеста о незыблемости самодержавия, им же и сочинённого в марте 1881 года.

«...МЫ призываем всех верных подданных НАШИХ служить НАМ и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, – к утверждению веры и нравственности, – к доброму воспитанию детей, – к истреблению неправды и хищения, – к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России БЛАГОДЕТЕЛЕМ ея Возлюбленным НАШИМ РОДИТЕЛЕМ.»⁶¹

Выбрав момент, Великий Князь вклинился в явно затянувшийся монолог:

– Константин Петрович! Не кажется ли Вам, что время увещаний прошло? Нам сегодня нужны не манифесты и уговоры. Может быть, четырнадцать лет назад ещё и можно было действовать уговорами. Но сегодня нам нужен русский Бисмарк, который железом и кровью уничтожит гидру крамолы и террора. Тогда Желябов и Перовская убили Папа. Теперь какие-то евреи убили моего Августейшего племянника. А Вы предлагаете снова ограничиться призывами и увещаниями?

– Ваше Высочество, – сухо отозвался Победоносцев, – я давно знаю графа Николая Павловича Игнатьева. Я знаю, что у него здоровые инстинкты и русская душа. Я знаю, что имя его пользуется доброй славой у здоровой части русского населения. Но я также знаю и помню, что граф Николай Павлович – натура увлекающаяся, что он склонен к неоправданной жестокости, а всё это может отвергнуть от престола те заблудшие души, которые можно спасти добрым словом и увещанием. Крамолу нужно уничтожать, но для этого нужен скальпель искусного хирурга, а не размашистая коса деревенского мужика.

---

⁶¹ «Правительственный Вѣстник». 30 апреля 1881 г., № 93, стр. 1.

Императрица слушала молча, теребя батистовый платок, а Великий Князь вскочил с кресла, сделал два шага к Победоносцеву и сказал, глядя прямо в глаза обер-прокурора:

– Вы не хуже меня знаете, что зачастую хирургам приходится отторгать большую часть организма, чтобы спасти от гибели весь организм.

На какое-то мгновение воцарилась мёртвая тишина. Победоносцев застыл столбом, пристально глядя через стёкла очков на Императрицу, как будто пытался её загипнотизировать. Всем своим видом он показывал, что прибыл на аудиенцию к Императрице, а не к Сергею Александровичу.

Для человека несведущего трудно было бы поверить, что этот немолодой чиновник с бледным лицом и оттопыренными ушами, одетый в заношенный сюртук, был не просто приближённым к престолу лицом, но и духовным вождём необъятной Российской Империи.

Александра Фёдоровна спросила:

– Скажите, Константин Петрович, в чём видите Вы главную опасность для государства, для престола, в настоящее время?

Чётко и ясно, как будто по написанному, Победоносцев изложил своё видение:

– Главная опасность, Ваше Императорское Величество, заключается в попытках нарушить существующие устои государства. Император Александр Николаевич и почивший в Бозе Государь Александр Александрович своими трудами создали такую систему, которая наиболее подходит для России, и которая опирается на церковь и веру. Любые попытки, что со стороны западников, что со стороны славянофилов, как-либо изменить систему, расшатать её, может привести к тому, что всё просто рухнет. Для русского человека абсолютно чужды те устои, которые ныне процветают в Европе. Европейский парламентаризм – это, по сути, великая ложь нашего времени. Всеобщие выборы лишь рожают продажных политиканов и понижают нравственный и умственный уровень чиновников. Но я также считаю, что славянофильские фантазии о созыве Земского собора в Москве есть повод к всеобщей смуте. Россия слишком велика, чтобы её судьбу могли решать какие-то выборные люди.

– А что Вы скажете по поводу евреев, Константин Петрович?

– Государыня! Я смотрю на это довольно просто. Одна треть живущих в России евреев вымрет, одна треть – выселится, одна треть бесследно растворится в окружающем населении.

– Сейчас в России проживает около пяти миллионов евреев, – задумчиво произнёс Великий Князь. – Значит ли это, что более миллиона евреев по Вашей теории растворится среди русского народа?

– Ваше Высочество, иудеи, принявшие православное крещение, вполне могут стать достойными подданными русских царей.

Великий Князь удивлённо спросил обер-прокурора:

– Константин Петрович, неужто Вы верите в искренность крещёных евреев? Я хорошо знаю это племя, лживое, подлое и изворотливое. Для них крещение – не более, чем ловкий способ обойти установленные ограничения.

– Позволю себе спросить, – обратился Победоносцев к Александре Фёдоровне, – Ваше Величество желает ввести ограничения для иудеев, принявших христианство? Боюсь, что это приведёт к тому, что иудеи прекратят принимать святое крещение, больше того, часть крещёных евреев может покинуть лоно православной церкви.

Императрица встала, прошла к столику. Взяла в руки бронзовую статуэтку, нехотя поставила назад, потом обернулась к Победоносцеву.

– Но если так произойдёт, – тихо сказала она, – это будет лишь подтверждением слов Великого Князя, Константин Петрович... Если евреи принимают святое крещение, влекомые зовом души, то они будут делать это вне зависимости от местности, в которой проживают. А если евреи считают принятие крещения лишь хитроумным способом для того, чтобы обойти установленные порядки, было бы крайне глупо и неосмотрительно позволить им селиться

внутри Империи. Поэтому канцлер в ближайшее время подготовит законоположения о выселении всех евреев, в том числе и выкрестов, за черту оседлости.

Победоносцев не мог поверить своим ушам. Убелённый сединами обер-прокурор даже не подозревал, что новоявленный канцлер так быстро переиграет его и найдёт поддержку своим проектам у молодой Императрицы. И он решительно не узнавал в Александре Фёдоровне ту скромную и застенчивую гессенскую девочку, которая год назад приехала в Россию.

– Но не вызовет ли такой шаг определённых потрясений среди населения, Ваше Императорское Величество? – осторожно спросил Победоносцев. – Не вызовет ли это падения авторитета церкви? Вводя ограничения для выкрестов, власти тем самым станут ущемлять интересы части православных... Массовое выселение всех евреев за черту оседлости вовлечёт в противоправительственную деятельность наиболее образованную их часть, которая потеряет всякую надежду обустроить свою судьбу внутри Империи.

Императрица ответила по-русски, выговаривая каждое слово очень правильно, как будто сдавала экзамен.

– Евреи убили моего мужа, убили русского царя. И я сделаю всё, чтобы защитить от них будущего русского царя. Даже, если мне придётся для этого отправить на эшафот всех евреев, живущих в России. Я не останюсь, и пусть враги наши не рассчитывают, что моя молодость и неопытность в делах поможет им спастись от моего праведного гнева.

После этого аудиенция была окончена. Обер-прокурор Святейшего Синода покинул Зимний дворец в полной растерянности. Победоносцев просто отказывался понимать происходящее. Обер-прокурор не желал верить в новую реальность. Он, человек, к чьему мнению многие годы прислушивались российские монархи, чей авторитет среди высших сановников Империи был непоколебим, оказался не у дел. Он ожидал увидеть во дворце растерянную гессенскую девочку, а встретил озлобленную русскую Императрицу, которая не нуждается в его советах.

* * *

Не меньше Победоносцева был удивлён министр финансов Витте, прибывший по вызову Императрицы. Когда Александра Фёдоровна приказала выяснить, сколько необходимо средств, чтобы погасить задолженности канцлера графа Игнатьева и выкупить из залога его имени, Витте стал горячо протестовать, пытаясь убедить Императрицу в ошибочности такого шага.

Менторским тоном человека, привыкшего поучать, министр излагал свою позицию. Он был уверен, что в настоящее время, когда лишних денег в казне нет, совершенно невозможно создавать такой прецедент и погашать долги частных лиц, пусть даже и канцлера.

Императрица довольно долго слушала министра, но затем перебила Витте и холодно сказала:

– Сергей Юльевич! Вы хорошо разбираетесь в финансах Империи. В этом я не сомневаюсь. Но ответственность перед Господом Богом и перед памятью моего покойного мужа за судьбу России лежит на мне. Я пригласила Вас не для того, чтобы выслушивать Ваши поучения, а лишь, чтобы сообщить Вам моё Высочайшее повеление. Ваш долг – выполнять мою волю, даже если Вы с чем то и не согласны.

После чего Александра Фёдоровна развернулась и вышла из кабинета.

В тот же вечер Витте записал в своём дневнике: «Молодая императрица отчитала меня, как мальчишку. Она никого не желает слушать. Такого не было даже при покойном Александре Третьем, который всегда советовался со мною и прислушивался к моему мнению. Ничего не понимаю, как за эти несколько дней, прошедших после несчастья с Николаем, «гессенская муха» смогла превратиться в «ледяную царицу». И кто ей подкинул этого старого авантюриста Игнатьева? Это же настоящий русский националист и отъявленный славянофил! Всё это становится слишком опасным.»

Ещё не просохли чернила в дневнике, как прибывший же из Зимнего дворца курьер передал Витте записку, собственноручно написанную Императрицей: «Сергей Юльевич! Я пришла к выводу, что служить вместе России мы с Вами не сможем. Александра».

Уже на следующее утро Императрица получила прошение Витте об отставке, которое тут же было удовлетворено. Новым министром финансов стал Эдуард Дмитриевич Плеске.⁶²

---

⁶² Плеске Эдуард Дмитриевич, действительный статский советник. С 1892 г. директор Кредитной канцелярии Министерства финансов. С 1894 г. управляющий Государственным банком.

Глава 7

Погружённый в глубокий траур Петербург жил своей столичной жизнью. Лишь разбитые витрины закрытых магазинов напоминали о том, что не так давно прошли еврейские погромы.

Если для городских обывателей и многочисленного чиновничества траур не создавал никаких проблем, то высший свет был явно недоволен. Ни дворцовых приёмов, ни пышных дворцовых выходов, ни роскошных балов... Прошёл слух, что молодая Императрица приказала не только не проводить никаких увеселительных дворцовых церемоний, но и высказала пожелание петербургскому градоначальнику, чтобы в столице было больше церковных служб и меньше балов.

Довольно быстро в Петербурге само собой образовалось несколько «дворцовых партий».

Мария Фёдоровна собирала у себя в Аничковом дворце всех недовольных правлением «этой гессенской гордячки». Престарелые сановники с жёнами и фрондирующие придворные наперебой рассказывали городские сплетни о молодой Императрице, которые сами же и сочиняли.

Великий Князь Владимир Александрович не скрывал радости по поводу получения фельдмаршальского жезла, но не спешил уезжать в Хабаровск, задерживая своё убытие под разными благопристойными предложениями. Он ещё сохранял надежду, что ситуация изменится, а в смутное время нужно быть в столице, а не исправлять должность наместника Дальнего Востока. Частыми гостями в великокняжеском дворце были офицеры из полков, где он состоял шефом.⁶³

Своей отдельной жизнью жил Зимний дворец. Ещё совсем недавно придворная жизнь слагалась из одних обрядностей, всё делалось исключительно для соблюдения приличия и традиционных обычаев. С непостижимой лёгкостью сменялись самые разнородные проявления жизни, непосредственные переходы от печали к веселью, от горя к радости.

В один и тот же день утром могла быть панихида или погребение, но уже вечером – пышный бал. Те же самые лица, которые утром являлись сосредоточенными, нахмуренными, вечером расцветали, дыша беззаботным удовольствием.

Придворная жизнь напоминала сцену, на которой постоянно разыгрывается очередное представление. День за днём многочисленные придворные чины проводили в сутолоке и беготне, ежеминутно поглядывая на часы, чтобы не опоздать куда следует, чтобы в своё время и в своём месте поклониться, показаться...

Теперь же Александра Фёдоровна уединилась в Зимнем дворце, который стал похож на готовящуюся к осаде крепость. Число караулов и патрулей было увеличено, зато многие придворные фактически остались не у дел. Попасть в Зимний дворец можно было только по приглашению, а их направляли исключительно по личному указанию Императрицы.

Александра Фёдоровна ежедневно принимала канцлера графа Игнатьева и Великого Князя Сергея Александровича. Частыми гостями были министр внутренних дел граф Воронцов-Дашков и военный министр генерал Пузыревский. Несмотря на частые недомогания, Императрица ежедневно с раннего утра и до поздней ночи занималась государственными делами, пытаясь вникнуть в каждую проблему. Ей приходилось учиться на ходу, знакомиться с новыми людьми. Ежедневные занятия по русскому языку дополнились ознакомлением с финансовой системой и устройством вооружённых сил, представлениями вновь назначенных губернаторов, полковых командиров и дивизионных начальников.

---

⁶³ Лейб-Гвардии Драгунский полк, 17-й пехотный Архангелогородский полк, 7-й драгунский Новороссийский полк, 1-й Западно-Сибирский линейный батальон, 83-й пехотный Самарский полк, 47-й пехотный Украинский полк.

Присущая Александре Фёдоровне необыкновенная застенчивость и испытываемое ею смущение при общении с незнакомыми людьми отходили на второй план, уступая место деловому общению. Кипучая энергия Императрицы нашла своё применение не в общении с петербургским обществом и не в любезностях с городскими дамами, а в живом деле. Принимая посетителей у себя в кабинете, она подходила к окну и поворачивалась к нему спиной, глядя на собеседника. Свет тогда падал на представлявшегося, а лицо Императрицы оказывалось в тени. Эта молодая красивая женщина опасалась, что посторонние могут заметить на её щеке шрам, оставшийся после того первоапрельского взрыва...

Императрица Мария Фёдоровна, пробыв в России многие годы на положении Цесаревны, в совершенстве усвоила приёмы непринуждённого, но одновременно царственного ласково-любезного обращения. Зная весь светский и чиновный Петербург, обладая чарующей приветливостью, Гневная умела сказать каждому ласковое слово, чем и пользовалась, привлекая к себе всеобщие симпатии. Александра Фёдоровна же принципиально считала нужным придерживаться строгого придворного этикета. Её чувство собственного достоинства и самолюбие не позволяли опускаться до притворных любезностей, но по совету графа Игнатьева Императрица тщательно готовилась к каждой встрече, делая необходимые записи, что при её замечательной памяти давало хорошие результаты.

Зная о том, что «дворцовые партии» пользуются широкой поддержкой среди многих высших должностных лиц, Императрица просила графа Воронцова-Дашкова регулярно представлять ей сведения о царящих в обществе настроениях, невзирая на чины и звания. Департамент полиции раскинул щупальца своей агентуры не только в революционной среде, но и в губернских учреждениях, университетах, и даже в придворных кругах. Получив приказ не жалеть денег, и специально оговоренные суммы, жандармы показали, на что способны. Результаты не замедлили сказаться, появились первые «жертвы».

Когда министр внутренних дел доложил Императрице, что командующий войсками Киевского военного округа Драгомиров⁶⁴ за обедом что-то ляпнул по поводу «бабского правления», на следующий день генерал был отправлен в отставку и его пост занял граф Алексей Павлович Игнатьев.⁶⁵

Великую Княгиню Марию Павловну, которая, по сообщению полиции, не уставала сочинять едкие тирады в её адрес, молодая Императрица пригласила на завтрак, устроенный 23-го апреля по случаю своих именин. Супруга Владимира Александровича буквально перед этим высказалась в тесном кругу, что «гессенской мухе» нужно тщательно изучать историю Российского государства, чтобы не повторить печальную судьбу правительницы Анны Леопольдовны, которая потеряла не только престол, но и свободу, закончив свои дни в ссылке. Во время завтрака, в присутствии почти всей Императорской Фамилии, нескольких министров и высших придворных чинов, Императрица, глядя прямо на Великую Княгиню, как бы ненароком заметила, что в России были разные правители... Была несчастная Анна Леопольдовна... Но был ещё и Иоанн Грозный, который сажал бояр на кол... И был Пётр Великий, который собственноручно рубил головы послушникам... Мария Павловна после этих слов густо покраснела и до конца завтрака не проронила ни слова. Вернувшись к себе во дворец, она устроила истерику, называя своих придворных предателями и продажными иудами, которые польстились на тридцать гессенских сребреников...

Также Императрице доложили, что частым гостем Аничкова дворца стал Великий Князь Николай Михайлович, который прибыл на похороны Императора, а теперь никак не мог уехать

---

⁶⁴ Драгомиров Михаил Иванович, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Начальник Николаевской академии Генерального Штаба (1878). Командующий войсками Киевского военного округа (1889).

⁶⁵ Граф Игнатьев Алексей Павлович, генерал-лейтенант. Иркутский генерал-губернатор и командующий войсками Иркутского военного округа (1887). Товарищ министра внутренних дел (1889), Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор (1889).

в Тифлис, где он командовал Мингрельским гренадерским полком. В связи с этим Александра Фёдоровна пожаловала Великому Князю генеральский чин, но при этом весьма настоятельно рекомендовала убыть в полк. Делать было нечего, и Августейший командир полка покинул столицу.

А канцлер Игнатъев тем временем готовился нанести решительный удар по еврейскому засилью. Представляя, какое яростное сопротивление встретят предлагаемые им меры как со стороны самих евреев, так и стороны либеральной общественности, канцлер решил провести предварительное наступление и подготовить общественное мнение.

В 1876 году в типографии Министерства внутренних дел была напечатана одна замечательная книжка, именованная «О необходимости и возможности еврейской Реформы в России». Книжка была напечатана микроскопическим тиражом всего в 25 экземпляров. Записка коммерческого советника МВД князя Голицына⁶⁶ министру внутренних дел предназначалась для Императора Александра II и высших сановников Российской Империи и долгие годы держалась в секрете.

В апреле 1895 года эта книжка была издана многотысячными тиражами за счёт анонимных заказчиков и сразу же стала чрезвычайно популярной. Чиновники и студенты, учителя и инженеры перечитывали хлесткие фразы, обличающие российских евреев. А в армии в каждой роте и эскадроне офицеры читали эту книжку солдатам, попутно отвечая на многочисленные вопросы, что и почему происходит в России.

Князь Голицын не боялся быть неправильно понятым и высказывался очень откровенно и нетолерантно: «Еврейство – это не фармацевтический яд. Еврейский яд правильнее приравнять к физиологическому грибку, к паразиту, который, попав в здоровый организм, непременно плодится до бесконечности и с непомерною быстротою, и чем организм свежее и восприимчивее, тем быстрее множатся бесчисленные грибки».⁶⁷

Уже тогда, в 1876 году, автор ясно и чётко представлял, что «...оевреивание России означает то, что евреи будут, безусловно, хозяйничать в государстве. Самые высокие и влиятельные места будут занимать евреи. Из евреев будет состоять большая часть и самая интеллигентная часть чиновничества. Вся торговля, кредит, банки, промышленные предприятия всех видов, все железные дороги, большинство всех недвижимостей и ценностей постепенно и так сказать втихомолку и незаметно перейдут в их руки».⁶⁸

Реально оценивая существующую угрозу, князь Голицын считал, что «Еврейская Реформа не менее серьёзная, настоятельная и трудная часть, чем пережитая... Крестьянская Реформа. Это самая главная реформа, неминуемо стоящая на очереди».⁶⁹

Предлагаемые рецепты излечения были очевидны и созвучны тем, которые предлагал в своё время граф Игнатъев.

«Надо сделать евреев до такой степени безвредными, чтобы они не наносили ущерб государству и обществу, ущерб, который в настоящее время без сомнения превышает ту сумму, которую они ежегодно выплачивают».⁷⁰

«Не только невозможно расселять евреев, но следует положительно вогнать их обратно внутрь Западного края со всех концов России, из Сибири, Петербурга, Москвы, Архангельска, из всех городов и сёл, – по крайней мере тот излишек, который дан ими в России за последнее время, вследствие свободного перемещения в неё, вместе с массою ремесленников (в силу

---

⁶⁶ Князь Голицын Николай Николаевич, действительный статский советник. С 1875 г. состоял в Собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского.

⁶⁷ Князь Голицын Н.Н. О необходимости и возможности еврейской реформы в России. СПб., 1876, стр. 54.

⁶⁸ Князь Голицын Н.Н. О необходимости и возможности еврейской реформы в России. СПб., 1876, стр. 175.

⁶⁹ Князь Голицын Н.Н. О необходимости и возможности еврейской реформы в России. СПб., 1876, стр. 60.

⁷⁰ Князь Голицын Н.Н. О необходимости и возможности еврейской реформы в России. СПб., 1876, стр. 122.

закона 1865 года), разных еврейских «пролетариев», для которых Петербург и Москва разом стали каким-то неожиданно найденным Новым Иерусалимом». ⁷¹

«Самое надёжное, полное разрешение еврейского вопроса в России – это, конечно же, полное изгнание евреев из страны, полное удаление их из христианского общества». ⁷²

На заседании Комитета министров 10-го мая канцлер лично зачитал выдержку из записки князя Голицына: «Разумеется, придётся при этом потревожить личный состав разных банков, компаний, контор, промышленных заведений, перебрать все толкучки, Подьяческие, Сенные, Ильинки, железнодорожные службы и т. п., придётся прогнать сотни и тысячи (евреев) с рынков и площадей. Вопли евреев будут пронзительные, гвалт необыкновенный по всей Европе, но если правительство пожелает, то оно может и исполнить». ⁷³

После этого он сообщил министрам, что регент Российской Империи Государыня Александра Фёдоровна утвердила новые «Временные правила о евреях», которые повелела ввести в действие с 1-го июня 1895 года. Этот решительный шаг был воспринят министрами неоднозначно, ибо правила, означенные как временные, в корне изменяют действующие законы, поэтому они в обязательном порядке должны были бы пройти через Государственный Совет.

Канцлер, который был чуть ли не единственным автором документа, при поддержке Великого Князя Сергея Александровича убедил Императрицу пренебречь формальностями и ввести правила в действия в особом порядке, «в виде временной меры и до общего пересмотра в установленном порядке законов о евреях».

Согласно новых правил из черты оседлости исключалась Таврическая губерния. Связано это было с тем, что в Крыму были расположены имения Императорской Фамилии.

Евреям было запрещено проживать в губернских городах, даже в пределах черты оседлости. Губернаторы должны были собственными постановлениями определить населённые пункты в пределах своих губерний, в которых должны были компактно проживать евреи.

Было запрещено проживание евреев в сельской местности, приобретение и аренда там недвижимых имуществ. Те евреи, которые на момент принятия правил уже проживали в сельской местности, должны были в течение двух месяцев покинуть место жительства и продать имущество. Существующие купчие и закладные на имя евреев, а равно и засвидетельствованные на имя евреев арендные договора на недвижимые имущества, находящиеся вне черты городов и местечек, и доверенности на управление и распоряжение имуществами, признавались недействующими с 1-го июня. Евреи, не покинувшие сельскую местность, подлежали принудительному выселению силами полиции, а их имущества – секвестру. За так называемую «подименную» аренду, т. е. аренду на чужое имя, вводился штраф на сумму 100 рублей с конфискацией арендованного имущества. Таким образом, евреи лишались возможности владеть земельными участками, жильём, лавками, шинками и ремесленными мастерскими в сельской местности

Ежели же в губернии найдутся евреи, желающие заниматься сельским хозяйством, то губернатор мог позволить евреям вновь водворяться на помещичьи, но не на крестьянские и прилегающие к ним земли, а также арендовать их только для личной эксплуатации на условиях, предотвращающих переуступку этих земель в аренду крестьянам. При этом не допускался наем евреями рабочей силы (батраков) не из числа евреев.

Евреям запрещалось приобретать какую-либо землю вне пределов черты оседлости, а те земельные участки, которые уже находились в собственности, подлежали отчуждению в двухмесячный срок. После истечения указанного срока все еврейские земли вне пределов черты оседлости, и находящиеся на них недвижимые имущества подлежали секвестру.

---

⁷¹ Князь Голицын Н.Н. О необходимости и возможности еврейской реформы в России. СПб., 1876, стр. 56.

⁷² Князь Голицын Н.Н. О необходимости и возможности еврейской реформы в России. СПб., 1876, стр. 148.

⁷³ Князь Голицын Н.Н. О необходимости и возможности еврейской реформы в России. СПб., 1876, стр. 57.

Отныне евреям запрещалось поступать в высшие учебные заведения, а для средних учебных заведений в пределах черты оседлости сохранялась норма – не более 10% евреев от общего количества обучающихся. Все евреи, обучающиеся в высших учебных заведениях, подлежали незамедлительному исключению из оных.

Евреи не могли состоять на государственной службе, не могли заниматься финансовой деятельностью, юридической практикой и ювелирным ремеслом.

Евреям отныне запретили производить спиртные напитки и торговать ими, что наносило непоправимый удар по еврейскому засилью в торговле.

Граф Игнатъев уравнивал всех евреев. Привилегированные евреи (купцы, лица с высшим образованием, врачи и фармацевты, цеховые ремесленники и отставные нижние чины), которые до сей поры могли жить даже в столицах, теряли все свои льготы. Всем им давалось два месяца, чтобы вернуться для проживания в пределы черты оседлости.

Но самое главное, что несли новые «Временные правила», это определение, кого следует считать евреем в Российской Империи. Впервые стал применяться не принцип веры, а принцип крови. Если до того речь шла о лицах иудейского вероисповедания, то теперь речь шла о лицах, в чьих жилах течёт еврейская кровь. Таким образом, все евреи, перешедшие в православие или лютеранство, все эти хитромудрые выкресты, возвращались в первоначальное состояние. А потому до 1-го августа 1895 года они должны были вернуться за черту оседлости. Крещение перестало быть той хитрой лазейкой, при помощи которой евреи могли обходить запреты.

Вводились ограничения и для тех, кто вступал в брак с евреем или еврейкой. Заключившие такой брак обязаны были проживать в пределах черты оседлости, а дети от смешанных браков считались евреями со всеми вытекающими последствиями. Теперь дети от смешанных браков не могли наследовать имущество, которое находилось за пределами черты оседлости.

Ежели в смешанный брак вступал представитель дворянского сословия, то дети от такого брака дворянами уже не являлись.

Особо было сказано о дворянах еврейского происхождения. Граф Игнатъев посчитал, что не следует позволять евреям проникать в дворянские общества. Губернские дворянские собрания следовало оградить так же, как земства и городские думы, участие в деятельности которых было евреям запрещено ещё с 1890 года. Поэтому правила запрещали включение дворян-евреев в губернские родословные книги, а дети даже потомственных дворян еврейского происхождения дворянами отныне не считались.

Неизвестно, с чьей именно лёгкой руки новые игнатъевские правила окрестили «Александринскими законами», но русская либеральная интеллигенция моментально подхватила это название, зайдясь в параксизме ненависти к Императрице, которая посмела войти в противоречие с общественным мнением передовой просвещённой Европы, где евреи занимают важное место.

Сильнее всего «Александринские законы» ударили по богатым евреям. Можно себе представить, что теперь чувствовали те, кто долгими десятилетиями выбивался в люди, шёл вверх, покупая фабрики, земли и золотые прииски, добывая чины и титулы, когда они узнали, что всё кончено. В своём стремлении к лучшему евреи не останавливаясь ни перед чем. Отрекались от иудейской веры, давали огромные взятки, создавали банкирские дома, ворочали миллионами, становились баронами и пили чай с министрами...

И вот теперь оказывается, что всё это было напрасно. Владеть землёй вне пределов черты оседлости евреям запрещено, а это значит, что нельзя иметь в собственности не только сельскохозяйственные угодья, но и леса, и земли, на которых расположены шахты, рудники и прииски. Заниматься финансовой деятельностью тоже запрещено, а это значит, что теперь иудеи и выкресты не могут не только быть владельцами банковских учреждений, но они не могут вообще быть акционерами банков, не могут работать в банке даже кассиром... Они больше не могут наживаться на ростовщичестве... Заниматься юридической деятельностью евреи теперь

тоже не могут, так что прощай адвокатура... Состоять на государственной службе тоже запрещено... Даже ювелирным делом запрещено заниматься...

И жить теперь иудеям и выкрестам можно только в пределах черты оседлости. И придётся покидать Петербург и Москву. Хотя в Киеве и Варшаве тоже неплохо, но проклятые «Александринские законы» запрещают жить в губернских городах. Таврическая губерния исключена из черты оседлости, и потому уехать в Ялту не получится. Так что в течение двух месяцев нужно всё продать здесь, и успеть переселиться туда... Куда? А в какое-то Богом забытое еврейское местечко. Грязное и вонючее. Бердичев, Литин или Коростень... Где нет не только театра или Английского клуба, но где нет даже электричества.

Граф Игнатъев при подготовке новых правил о евреях постарался предусмотреть всё, чтобы нанести такой удар, который уничтожит еврейское засилье во всех областях экономики.

Нужно ли говорить, что банковское дело в Российской Империи в 1895 году практически полностью было в руках евреев?

Санкт-Петербургский учётный и ссудный банк и Варшавский коммерческий банк – это барон Леопольд Кроненберг. Московский Международный торговый банк, Орловский коммерческий банк, Московский земельный банк, Петербургско-Московский коммерческий банк и Русский Торгово-промышленный – это Лазарь Поляков (и пусть никого не введёт в заблуждение его фамилия и предполагаемое отцовство балерины Анны Павловой). Донской Земельный банк, Азовско-Донской и Петербургско-Азовский банки – это Яков Поляков. Варшавский учётный банк – это Мечислав Эпштейн. Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк – это Лазарь Бродский. А ещё был филантроп Ипполит Вавельберг – владелец банкирских домов «Вавельберг Г.» в Варшаве и Петербурге. Леон Гольдштанг – владелец банкирского дома в Варшаве. Иван Блюх – владелец банкирского дома в Варшаве (а ещё учредитель и председатель правлений акционерных обществ Киево-Брестской, Либавской, Лодзинской железных дорог).

Но такое положение было не только в банковской сфере. Куда не коснись, везде увидишь, что евреи владеют заводами, приисками, пароходами, землями.

Барон Гораций Осипович Гинцбург – это Ленские золотые прииски, это банкирский дом «И. Е. Гинцбург», это паи Берёзовского золотопромышленного дела и Миасского золотопромышленного дела, это акции Киевского частного коммерческого банка, Одесского Учётного банка, это Товарищество Могилянского свекло-сахарного завода, владевшего сахарным заводом и сельскохозяйственными угодьями в Подольской губернии.

Борис Абрамович Каменка – председатель правлений: Общества Соединённых цементных заводов, Русского общества вывозной торговли, член правлений: Общества Токмакской железной дороги, Общества костеобжигательных заводов, страхового Общества «Россия», Русского общества «Сименс-Шуккерт», Таганрогского металлургического общества, Общества цементных заводов «Цепь».

Торговля русским хлебом, русским лесом, русским льном – всё это уже полностью или частично перешло в руки евреев.

Еврейские лавки и аптеки, еврейские дантисты и портные, еврейские журналисты и адвокаты, еврейские ростовщики и ремесленники, еврейские булочные и кабаки.

«Александринские законы» положили конец еврейскому засилью. После 1-го июня 1895 года всеильный до того барон Гораций Гинцбург, обсуждавший с министрами государственные вопросы, желанный гость в некоторых великокняжеских дворцах, в Российской Империи стал никем, и звать его никак. Ему бы за два месяца успеть продать своё имущество в Петербурге, да избавиться от акций Ленских золотых приисков. А еще нужно земельку продать в Подольской губернии, плантации сахарной свеклы... И акции банковские... И найти себе новое место жительство... В Бердичеве? Вопрос, сумеет ли он найти так быстро покупателя. Ведь не только барон Гинцбург продаёт свое имущество, но и Бродский, Поляков, Эпштейн.

И все они очень хотят, чтобы их имущество выкупила казна. Хоть за какую сумму. А то ведь секвестрируют...

То бедственное положение, в которое вогнал евреев граф Игнатъев, не могло не взволновать русскую общественность, которая, решила лишний раз доказать, что либеральные ценности главнее, чем судьба русского народа и всей России. Ведь по давно сложившейся традиции русская интеллигенция отличалась тем, что героически хаяла свою Родину и свой народ, желая угодить «просвещённой Европе».

Граф Лев Николаевич Толстой первым откликнулся и за одну ночь написал памфлет «Запишите меня в жида». Памфлет этот был опубликован в нескольких воскресных газетах 14-го мая 1895 года. И хотя полиция изъяла большую часть тиража, многие газеты были раскуплены. Сочинение опального графа стало ходить в списках по рукам. А потом попало и в ряд европейских газет... Европа отозвалась мгновенно.

Английско-еврейский банкир Натаниэл Ротшильд⁷⁴ тут же выступил в палате лордов с пламенной речью на тему «Россия – Империя зла!» В течение полутора часов лорд Ротшильд говорил, что хотя русские цари сбрили бороды и выучили английский язык, Россия была и будет азиатской страной. При этом Россия опасно усилилась и расширила свои границы, куда только смогла. Ротшильд не погнушался привести и цитату из сочинений господина Энгельса: «когда читаешь русские газеты, можно подумать, что вся Россия увлечена царской завоевательной политикой; повсюду – сплошной шовинизм и панславизм, призывы к освобождению христиан от турецкого ига, а славян – от немецко-мадьярского»⁷⁵.

Французский же барон Альфонс де Ротшильд,⁷⁶ глава парижского банка «Rothschild Freres», также выступил в прессе и заявил о прекращении всяких финансовых отношений с Россией, «страной дикарей, которая возвращается в мрачный шестнадцатый век».

В самой же России многие высокопоставленные царедворцы были обеспокоены тем, что притеснения евреев отрицательно отразятся на развитии государства, которое таким образом одновременно лишается большого числа образованных людей, в том числе врачей, фармацевтов, юристов, да и просто ремесленников. Хотя, если не лукавить, больше всего этих царедворцев волновал вопрос получения денег от еврейских дельцов, что давно уже вошло в привычку. Чего уж греха таить, даже некоторые члены Императорской Фамилии частенько обращались к еврейским банкирам, чтобы получить нужную сумму.

* * *

Возмущённый происходящим бывший министр финансов Витте даже обратился к графу Игнатъеву, пытаясь убедить того, что Россию ждут тяжёлые времена, если сейчас же, немедленно, не остановить эти безумные притеснения еврейского населения.

Канцлер очень внимательно его выслушал и ответил:

– Сергей Юльевич! Россия много веков обходилась без евреев. Думаю, что она и впредь сможет развиваться и не зависеть от евреев. Россия богата талантами, и врачей мы выучим, даже за счет казны. Но я не буду терпеть в центре Империи людишек, которые смотрят на Россию исключительно как на кормушку, при этом в любой момент готовы убить своего монарха. Я всего лишь восстанавливаю историческую справедливость, выселяя евреев в те местности, где они проживали на момент присоединения этих земель к Империи. Ежели кому то так не по душе жить в России, тот волен выехать за её пределы... Никого удерживать мы не будем...

---

⁷⁴ Барон Ротшильд Натаниэл, лорд (1885). Глава банка «*NM Rothschild and Sons*» (1879). Директор Банка Англии.

⁷⁵ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. «*Die Neue Zeit*» № 5, май 1890 г.

⁷⁶ Барон де Ротшильд Альфонс Джеймс, глава банка «*Rothschild Freres*». Президент Центральной консистории Франции (1869). Член французской Академии изящных искусств (1885).

Сергей Юльевич был чрезвычайно удивлён, когда через два дня после этого разговора с канцлером к нему на квартиру прибыл лично помощник начальника Санкт-Петербургского губернского жандармского управления и сообщил, что до 1-го августа 1895 года его супруга Матильда Исааковна Витте, урожденная Нурок, должна покинуть столицу и выехать в пределы черты оседлости.

Сергей Юльевич пытался обращаться за помощью к Императрице Марии Фёдоровне, но ничего не помогло. Семья Витте выехала в Одессу, откуда вскоре эмигрировала во Францию, чтобы больше никогда не вернуться в эту неблагоприятную Россию.

* * *

Лето 1895 года стало беспокойным для множества еврейских семейств, которые спешно покидали насиженные места и перебирались к новому месту жительства. По-разному сложились их судьбы, у кого-то более удачно, у кого-то менее.

Семья художника Исаака Иосифовича Пастернака была выслана из Москвы и вернулась в Одессу. В 1899 году, когда Одесское градоначальство было исключено из черты оседлости, семье Пастернаков пришлось перебраться в Тирасполь. Вместе с семьей переезжал и мальчик Боря Пастернак. Он окончил в Тирасполе мужскую гимназию, после чего работал тапёром в местном кинематографе. В 1910 году Борис Пастернак был призван в военно-рабочие части и проходил службу на строительстве Царицынского оружейного завода. Дальше его следы затерялись.

Семья купца 1-й гильдии Хацкеля Бениаминовича Мандельштама была выслена из Варшавы в Скерневицы. В 1900 году семья Мандельштамов эмигрировала в Германию. Выехал и юный Иосиф Мандельштам. В 1908 году он поступил в Гейдельбергский университет. Пытался писать стихи на немецком, но затем увлёкся кокаином и забросил сочинительство.

Вдова действительного статского советника Мария Александровна Ульянова, урожденная Бланк, вместе с детьми, Дмитрием, Анной и Марией, была выслена из Петербурга и обосновалась в Жмеринке. Родовое имение Кокушкино, издавна принадлежавшее семейству Бланк, пришлось продать за бесценок, ибо выкрестам запрещалось иметь собственность вне черты оседлости.

Глава 8

Царственные сёстры пили пятичасовой чай в императорском кабинете. Беседа протекла размеренно, как будто сёстры вернулись в те времена, когда были юными принцессами.

Александра Фёдоровна сидела в кресле-каталке. Её снова мучили дикие подагрические боли, и врачи не могли ничего поделать. Семейное заболевание Гессен-Дармштадского дома давало себя знать. Распухшие ноги не позволяли встать, и вот уже второй день Императрица была прикована к креслу, допуская к себе лишь самых близких людей.

Элла, пришедшая к сестре, рассказывала, как шалят дети, Митя и Маша, как редко она видит мужа, ибо Великий Князь постоянно занят, заседая то в штабе военного округа, то в доме графа Игнатьева. Разговор коснулся Великого Князя Владимира Александровича и его жены. Великий Князь только уехал на Дальний Восток, но Мария Павловна осталась с детьми в Петербурге, явно не желая менять столицу на захолустный Хабаровск, и не переставала плести интриги.

Очень умная, властная и предусмотрительная женщина, она была довольно амбициозна. Когда юная гессенская принцесса Алиса только прибыла в Россию, Великая Княгиня пожелала стать наперсницею и опекуншею будущей Императрицы. Но настырные попытки Марии Павловны приблизиться к невесте Цесаревича оказались тщетными. Получив холодный и решительный отпор, Великая Княгиня, которая позволяла себе соперничать даже с Марией Фёдоровной, не сдалась и не остановилась, а принялась вести незримую женскую войну. Благодаря чему на первых же порах Александра Фёдоровна имела против себя двор Марии Фёдоровны и могущественный двор Марии Павловны, к которому примыкало все петербургское общество.

– За что они меня так ненавидят? – спросила Аликс. – За что? Видит Бог, я не сделал никому из них ничего плохого.

Елизавета Фёдоровна, которая прожила в России уже двенадцать лет, давно понявшая сущность великокняжеских интриг, не знала, как объяснить сестре причины, из-за которых её не воспринимали в обществе.

– Понимаешь, Аликс, – сказала она, – ты ещё слишком мало живёшь в России и не знаешь здешнее общество. И ты не предпринимаешь ничего, чтобы понравиться. Мы не в Гессене и не в Виндзоре. В России ты пока чужая. И тебе придётся ещё немало сделать для того, чтобы стать русской царицей, чтобы тебя принял народ.

– Я знаю это, но... Но ведь всему есть предел! Они уже договорились до того, что я – причина всех несчастий, свалившихся на голову династии. Они говорят, что я въехала в Россию за гробом Государя Александра Третьего, и что из-за меня погиб бедный Ники.

– Я слышала, что Мария Павловна обращалась к тебе по поводу судьбы какого-то Шапиро⁷⁷ и у вас вышла размолвка.

– Да, Элла, она прислала мне записку с просьбой сделать для этого еврея исключение и позволить ему остаться жить в Петербурге. Только потому, что у него фотомастерская на углу Невского и Большой Морской. И ещё он, якобы, пишет какие-то стихи.

– И что ты ей ответила? – спросила сестра.

– Я ответила ей запиской, чтобы она обращалась к петербургскому генерал-губернатору. Елизавета Фёдоровна сдержанно улыбнулась.

– Ты же знаешь моего Сержа, Аликс... Он никогда не будет делать поблажек для евреев. А Михень сразу же помчалась в Аничков к твоей свекрови...

---

⁷⁷ Шапиро Константин Александрович, фотограф Императорской Академии художеств. Личный фотограф Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны.

– Я устала от интриг, Элла. От этого лицемерия. Только теперь я чувствую себя свободно. Рядом со мною ты и Серж. Я могу положиться на графа Игнатьева, на Иллариона Ивановича. Ты ведь знаешь, какие подлые люди окружали моего Ники. Русского царя отовсюду окружали лицемерие и лживость. Почти не было никого, кто мог бы быть его действительной опорой. Я и сейчас чувствую, что очень мало тех, кто действительно выполняет свои обязанности ради России. Всё по-прежнему делается ради личных выгод, и повсюду интриги, и всегда только интриги...

Элла медленно встала из кресла, подошла к окну. Посмотрела на сестру, мило улыбнувшись, и ответила:

– Ты не права, милая моя. Поверь, я знаю из опыта, как неописуемо любезны и преданны могут быть здешние люди. Никогда не падай духом. Да, пару упрямцев нельзя переделать, но тогда лучше просто промолчи, когда все поднимают шум. Улыбайся, улыбайся, пока не заболят губы, думая о том, что другие унесут счастливое впечатление, и если они хоть однажды узнают твою улыбку, они никогда её больше не забудут. Помни, что главное – это первое впечатление. Подумай о милой улыбке тётушки Аликс,⁷⁸ которой она издавна славится. Подумай об улыбке твоей свекрови. Мария Фёдоровна умеет улыбаться, умеет заставить всех любить себя.

– И умеет заставить всех окружающих ненавидеть меня, – грустно отозвалась Аликс. – В этом моей свекрови нет равных. Я дико устала, Элла! Дико! Если бы не моя беременность, я бы просто ушла в монастырь, покинув этот свет ненависти и злословия... Чтобы там, в уединении, молиться за спасении души, молиться за моего Ники...

– Не смей даже думать об этом! Выброси из головы негодные мысли! Ты – русская царица, и ты не смеешь вот так уйти и оставить Россию на произвол судьбы. Каждый из нас обязан стойко нести свой крест. Поверь мне, что весь мир говорит о твоей красоте и твоём уме, теперь же покажи им твоё сердце, которое русские хотят почувствовать и увидеть в твоих глазах! Русский народ обязательно полюбит тебя...

– Что-то подобное мне уже писала бабушка Виктория, – сказала Аликс. – Она писала, что царствует сорок лет в стране, которую знает с детства, и каждый день она задумывается над вопросом, как сохранить привязанность подданных. А мне, якобы, придётся завоёвывать любовь и уважение совсем чужих людей.

– Что же ты ответила нашей милой бабушке?

– Что Россия – не Англия. И что царь не должен завоёвывать любви народа. Разве народ не боготворит царей? Что же до петербургского света, уверена, что это такая величина, которой вполне можно пренебречь. Мнение этих людей не имеет никакого значения для меня. Я давно поняла, что их природная черта – зубоскальство, с которым так же тщетно бороться, как бессмысленно с ним считаться.

Элла внимательно слушала сестру и в душе удивлялась её детской наивности и непосредственности. В голове Великой Княгини промелькнула мысль: «Бедная девочка, она так же застенчива, как самолюбива, и голова её сильно кружится от сознания неслыханной высоты, на которую она вознеслась. Это головокружение заставляет её преувеличивать очень многие вещи, в том числе и мнение о любви русского народа к царю.»

– Аликс, но ведь может статься так, что тебе придётся принять престол и царствовать...

– О чём ты говоришь? Всё, что мне грозит, это быть регентом при моём сыне. Я об ином даже помыслить не смею.

– Понимаешь, дружок, человек предполагает, а Господь располагает. И потому ты должна быть готова к царствованию, если разрешишься дочерью. Это твой долг... Ты по-прежнему хочешь назвать сына Алексеем?

---

⁷⁸ Александра Каролина Мария Шарлотта Луиза Юлия, принцесса Валлийская.

– Нет, Элла, – тихо ответила Императрица. – Я уже приняла иное решение. Я назову сына Николаем, в память незабвенного Ники. Он будет Николаем Третьим.

– Ты становишься хорошим политиком, моя милая. Моя маленькая Аликс... Ты учишься на ходу, и я не могу не одобрить твоё желание.

Аликс попросила подать ей сельтерской воды. Утолив жажду, она спросила сестру:

– Ты знаешь, что мне сказал за свадебным завтраком наш милый дядя Берти ⁷⁹?

– Нет, Аликс...

Александра Фёдоровна замолчала, о чём-то задумалась. Потом вытерла платком накатившиеся слёзы.

– Он тихо сказал мне на ухо: «Как профиль твоего мужа похож на профиль Императора Павла». Элла, это меня так напугало...

– Sunny,⁸⁰ ты зря накручиваешь свои нервы. Ведь Ники стал жертвой не дворцового заговора, как его прапрадед...

– Мой Ники был образцом доброты и доверчивости. – Голос Александры Фёдоровны задрожал. – Он верил каждому слову своей матери. Верил министрам, верил придворным... Беспрекословно слушался всех своих родственников. Но я такой не буду. Я буду верить только тем, кто доказал свою преданность. Если бы ты знала, как я мучалась тогда... Я плакала целыми днями, так как чувствовала, что Ники очень молод и неопытен, что ему трудно управлять таким огромным государством. Я чувствовала, что окружающие его люди не искренни, что они служат ему исключительно из-за карьеры и личной выгоды.

Монолог Императрицы был сумбурным. Она сильно волновалась, повторялась и теряла мысль.

– Россия любит почувствовать хлыст, и я обязана удержать этот хлыст в своих руках. – Голос Аликс стал твёрдым и безжалостным. – Царь обязан подозревать каждого, а Ники был доверчив. Нет, Элла, я не повторю ошибок, я не буду слепо верить всей этой льстивой челяди, которая низко кланяется, подобострастно заглядывает в глаза, а потом бежит в Аничков дворец, к моей свекрови... Чтобы там интриговать, высмеивать, распространять отвратительные сплетни. Думаешь, я не знаю, что они там говорят про меня? Они обвиняют меня во всех бедах, и даже в смерти Ники.

– Аликс! Всё образуется, поверь мне.

– Когда-то в детстве я вычитала в какой-то английской нравоучительной книжке очень полезную фразу: «Надо учиться трудному искусству ждать».

– Хорошо сказано, моя милая сестра... И я верю, что тебе это поможет, ты ведь умеешь ждать. Мария Фёдоровна изменит отношение к тебе, как только ты родишь ей внука... или внучку...

– Она снова решила ехать к себе в Данию. Спрашивается, зачем, ведь совсем недавно, в марте, она уже там была.

Елизавета удивилась такой позиции сестры, ведь чем дальше от Петербурга будет Мария Фёдоровна, тем спокойнее будет чувствовать Аликс.

– Ну, так пусть едет. Почему ты так в штыки восприняла желание Её Величества?

– Потому, что она желает забрать у меня «Полярную звезду»⁸¹ и путешествовать только на ней... А кто будет оплачивать это путешествие?

– Ты стала такой экономной?

– Элла! Граф Игнатъев каждый день докладывает мне, что денег катастрофически не хватает! И я не собираюсь оплачивать из казны путешествия Её Величества. Марии Фёдоровне

---

⁷⁹ Альберт-Эдуард, принц Валлийский. Сын королевы Виктории.

⁸⁰ (англ.) «Солнышко».

⁸¹ Императорская яхта «Полярная звезда».

полагается по цивильному листу сто тысяч рублей в год. Ники после смерти своего батюшки объявил, что Её Величество со своим двором по-прежнему может жить в Аничковом дворце и что все расходы на её содержание, равно как и содержание её двора, он принимает на свой счет. Но теперь-то ситуация изменилась. Министр двора доложил мне, что содержание двора Марии Фёдоровны уже обходится казне не меньше, чем содержание Высочайшего двора.

– Ты рискуешь нарваться на очень большой скандал, моя дорогая. Ты ведь знаешь, что Мария Фёдоровна не простит тебе обиды. Да и великие князья и их жёны тоже не будут в восторге, поверь мне... Они привыкли тратить деньги и всякое упоминание о необходимости экономить воспринимают, как посягательство на свои права.

Лицо Императрицы скривилось от боли. Когда боль прошла, она задумчиво сказала:

– Мой долг – осуществить всё то, о чём мечтал мой Ники. А он хотел приносить пользу русскому народу, сделать Россию сильной, могучей, процветающей. Он хотел победить бедность, жестокость и голод! Ты уже давно живёшь в России. Разве ты не видишь, как мало производится здесь? Меня жутко огорчает, что всё привозится из-за границы... Такая огромная страна, а самые необходимые товары завозятся. Ткани, машины, парфюмерия... Граф Игнатъев согласен со мною, что нужно строить новые заводы и фабрики. Много разных фабрик. Чтобы не только самим строить корабли и пушки, но чтобы русские фабрики смогли бы сами обрабатывать кожу и меха, производить качественные изделия. А для этого нужны деньги и деньги! И если понадобится, я готова ограничить в расходах, как себя, так и моих царственных родственников!

– Я вижу, что граф Игнатъев тебя очаровал...

– Я верю ему. Он настоящий русский. Я чувствую, что граф – искренний и честный человек. А что касается расходов, то посмотри, сколько денег расходуется бесполезно. Огромный штат бесполезных придворных... Рихтер представил мне доклад о тех злоупотреблениях, которые выявлены им в дворцовом ведомстве.

Елизавета Фёдоровна таинственно улыбнулась.

– Я слышала, Аликс, что графа Игнатъева многие в высшем свете считают болтуном и даже лжецом... А его прожекты вызывают издевки и смех. Говорят, что граф ежедневно принимает у себя людей из разных губерний, чтобы составить себе мнение о происходящем. Он не особо доверяет полицейским сведениям, создаёт свою агентуру... Свою личную полицию.

– Называют лжецом? Я могу этому только радоваться, зная, что мой канцлер не какой-то простачок, а человек хитрый и изворотливый. Он ведь старый дипломат, и ежели умел обманывать наших недругов за границами России, сможет обмануть нынешних врагов и внутри страны.

– Ты хочешь записать в свои враги практически весь высший свет?

– Элла смущённо отвела глаза в сторону, но продолжила. – Петербургские дамы и так вовсю обсуждают тебя и твои вкусы. Они судачат о том, что ты не завиваешь волосы и не делаешь маникюр... Осуждают, что ты экономишь на собственном гардеробе и не носишь атласных туфель... А сколько разговоров о том, что ты пользуешься не парижскими духами, а от «Аткинсона»,⁸² не говоря уже про твою любимую трёхрублёвую «Вербену».⁸³ И всё это исходит, в первую очередь, от придворных.

– Знаешь, я уже убедилась, что нельзя полагаться на мнение высшего света. Петербургский свет – это болтуны и сплетники. Бездельники и пустые критиканы... Кто же мешает им предлагать свои прожекты во благо России? А придворные дамы заняты лишь обсуждением модных новинок их Парижа, но не знают, как держать иголку с ниткой и как правильно натереть каминную решётку. Да, я не могу блистать в обществе. Наверное, я лишена лёгкости, ост-

---

⁸² Парфюмерная компания «Atkinsons of London».

⁸³ Марка туалетной воды.

роумия, столь необходимых для этого. Я люблю духовное содержание жизни, и это притягивает меня с огромной силой. Я хочу помогать другим в жизни, помогать им бороться и нести свой крест.

– Аликс! Ты знаешь, что графа Игнатьева некоторые уже стали именовать «русским Бисмарком»?

– Что же в этом плохого, Элла? Я преклоняюсь перед Бисмарком, перед его железной волей! Кстати, граф Николай Павлович поведал мне одну историю. Однажды, при возвращении из-за границы, Александр Третий приказал осмотреть в Вержболове⁸⁴ багаж не только сопровождающих, но и собственный. А затем он сам уплатил за вещи Марии Фёдоровны, купленные за границу, и приказал прислуге тоже уплатить пошлину, да ещё со штрафом за утаенные предметы.

– Я знаю эту историю, Аликс... Увы... И до меня доходили слухи, что прислуга Марии Фёдоровны привозит на «Полярной звезде» для продажи много ликёров и сигар, сыры и игральные карты, разнообразные ткани и консервы. В банках Копенгагена буквально вся её челядь, до горничных и лакеев включительно, имеют свои счета. А здесь, в России, весь этот товар, который попал без оплаты пошлины, попадает прямым ходом в петербургские и московские магазины.

Последние слова заставили Александру Фёдоровну задуматься. Получается, что свекровь нагло использует императорскую яхту для того, чтобы её челядь незаконно обогащалась. И, таким образом, фактически за счёт русской казны, старая царица завоёвывает любовь подданных... А казне наносится ущерб, ибо таможенные пошлины не поступают... Александра Фёдоровна почти приняла решение сократить выплаты на нужды свекрови. Но даже сестре она пока ничего не сказала, желая для начала посоветоваться с графом Игнатьевым и Сергеем Александровичем.

---

⁸⁴ Вержболово – безуездный город Сувалкской губернии, где расположена таможня и пограничная с Пруссией станция железной дороги.

Глава 9

Граф Игнатъев сидел за огромным столом под большим портретом покойного Императора Николая Второго, откинувшись к спинке резного кресла. В кабинете канцлера шло совещание. Министр внутренних дел граф Воронцов-Дашков сидел справа от канцлера на коричневом кожаном диване, устало откинувшись и нервно теребя пуговицу свитского сюртука. Директор Департамента полиции Плеве картинно стоял рядом, засунув правую руку за борт цивильного чёрного сюртука. Мундира он не любил и старался одевать его как можно реже.

Примерно в пяти шагах перед столом стоял навытяжку офицер, затянутый в тёмно-синий жандармский мундир с погонами подполковника и серебряным аксельбантом. Вызванный из Москвы начальник охранного отделения Бердяев⁸⁵ держал в правой руке кожаный бювар с документами, но они не потребовались ему при докладе, так как составленную справку он знал практически наизусть.

Департамент полиции давно вёл учёт самого разнообразного революционного элемента, имевшего склонность собираться на посиделки, произносить противоправительственные речи и читать нелегалыцину. Обычно, разгромив такой кружок, ограничивались тем, что наиболее рьяных высылали из столиц, кого-то склоняли к сотрудничеству, кому то просто делали внушение. Но после царубийства в апреле 1895 года новый министр внутренних дел граф Воронцов-Дашков издал грозный циркуляр об усилении борьбе с антигосударственными элементами. Он требовал в самые короткие сроки покончить со смутьянами, заговорщиками и бомбистами. Полиция и жандармы получили приказ применять оружие при малейшей попытке сопротивления или попытке скрыться. Последовали массовые аресты, но подавляющее большинство арестованных через семь дней приходилось освобождать, ибо собрать достаточные материалы, позволившие бы устроить судебный процесс, не удавалось.

Но вот в начале мая московским охранным отделением была раскрыта террористическая организация. Получив осенью 1894 года сведения о том, что в квартире в Тишском переулке, происходят частые сборища учащейся молодежи, на которых произносятся речи террористического характера, старый жандармский волк Бердяев провёл блестящую операцию.

Проживавшие на квартире выпускник Московского университета Иван Распутин, студент университета Алексей Павелко-Поволоцкий, томские мещанки Таисия и Александра Акимовы и дочь отставного коллежского секретаря Анастасия Лукьянова были взяты под наблюдение. Московские филёры работали день и ночь, выявляя их связи.

Выяснилось, что уже довольно длительное время Распутин собирает вокруг себя людей, настроенных противоправительственно. Ему удалось организовать террористический кружок, в который также входили студенты университета Степан Кролевец и Василий Бахарев, учитель Рогожского городского училища Иван Егоров и дочь коллежского асессора Зинаида Гернгрос. Через студента Ивана Войнарского Распутин добыл в университетской библиотеке учебники по химии, при помощи которых собирался изготовить взрывчатые вещества для бомбы.

Первоначально Распутин замыслил убить Императора Николая Александровича, который в мае 1895 года должен был посетить Москву. Но в апреле, уже после царубийства, планы поменялись. Теперь целью террористов должна была стать Александра Фёдоровна.

О планах Распутина достоверно было известно студенту университета Николаю Пухтинскому и слушательнице акушерских курсов Надежде Аракчеевой, которых убеждали принять участие в террористической деятельности и которые высказались против террора, однако властям ничего не сообщили.

---

⁸⁵ Бердяев Николай Сергеевич, подполковник. С 1889 г. начальник Отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве.

После того, как филёры сообщили о том, что Распутин и Бахарев приступили к испытанию бомб, Бердяев распорядился произвести аресты и обыска. Все вышеупомянутые лица, кроме Зинаиды Гернгрос, были арестованы. При обысках была изъята гремучая ртуть, пикриновая кислота, азотная кислота разной крепости, металлическая ртуть, бертолетова соль, револьвер... Различные записи, касающиеся почти исключительно приготовления и действия взрывчатых веществ, как-то: нитроглицерина, пироксилина, пикриновой кислоты и гремучей ртути... Литература противоправительственного содержания...

Выслушав подробный доклад Бердяева, граф Игнатъев тихо спросил:

– Вы уверены, подполковник, что арестованы все злодеи, причастные к этой мерзопакостной организации? Или Вы, как это принято у жандармов, кого-то из террористов оставили «на развод»?

Бердяев испугался и побледнел:

– Никак нет, Ваше Высокопревосходительство! Я осознаю, что в сложившейся ситуации было бы преступно оставить безнаказанным хотя бы одно лицо, замышлявшее царевубийство!

– Но почему же тогда эта... Как её? Гернгрос, что-ли... Почему она не под стражей? – взорвался канцлер. – Во что Вы играете, подполковник? Я не удивлюсь, ежели на свободе остались и другие террористы!

Бердяев застыл, не смея ничего сказать. И тогда в разговор вмешался Плеве.

– Ваше Высокопревосходительство, – обратился он к Игнатъеву, – позвольте мне доложить относительно госпожи Гернгрос. Я вижу, что Николай Сергеевич в смятении...

– Я слушаю, Вячеслав Константинович, – недовольно отозвался канцлер.

– Дело в том, что госпожа Гернгрос – секретный агент московского охранного отделения с 1893 года. Кружок Распутина был раскрыт именно благодаря её стараниям. В настоящее время удалось залегендировать, что госпоже Гернгрос удалось, якобы, скрыться от полиции. Я уверен, что она ещё не единожды сослужит верную службу России.

Граф Игнатъев с невиданной для его возраста и телосложения прытью выскочил из-за стола и подошёл к Бердяеву.

– Ну что же Вы, голубчик, – обратился канцлер, – застыли, аки статуя? Нужно было сразу доложить, что это Ваш агент. Вы уж не сердитесь на меня, старика, за гнев... Сами понимаете, в какое тяжкое время мы живём и служим Государыне.

– Так точно, Ваше Высокопревосходительство, понимаю...

Канцлер вернулся за свой стол, приказал Бердяеву присесть, продолжил:

– Господа! То, что удалось изловить богомерзких злодеев, это прекрасно. Я буду просить Государыню наградить подполковника следующим чином...

Бердяев вскочил с дивана и произнёс уставное:

– Рад стараться, Ваше Высокопревосходительство!

– Садитесь, подполковник, – перебил его канцлер. – Обезвреженный кружок террористов – это несомненный успех, господа... Но может ли кто из присутствующих дать гарантии, что таких вот кружков больше нет? Действовал ли Распутин единолично, по собственному усмотрению, или он как-либо связан с теми, кто убил Государя Николая Александровича? – обвёл граф Игнатъев строгим взглядом всех присутствующих.

– Ваше Высокопревосходительство, – отозвался Плеве, – я уверен, что московский кружок действовал самостоятельно и к царевубийству первого апреля не имеет отношения. Но мы землю рыть будем, чтобы тщательно отработать все эти моменты.

– А вот времени то у нас и нет, любезный Вячеслав Константинович, – ответил канцлер. – Илларион Иванович, – обратился он к графу Воронцову-Дашкову, – крайне необходимо произвести дознание, как можно скорее, чтобы передать этих субчиков в руки военного суда. Общество ждёт от нас жёстких мер по отношению к подобным мерзавцам.

– Военного суда? Но коим образом? – недоумённо спросил граф Воронцов-Дашков.

– «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»⁸⁶ ещё никто не отменял, Илларион Иванович, – усмехнулся в усы канцлер. – Вы, как министр внутренних дел, можете передавать дела на рассмотрение в военный суд для суждения по законам военного времени и требовать рассмотрение при закрытых дверях. Военный суд даёт нам сокращение сроков производства и отмену апелляции и кассации. И военный суд даёт этим субчикам единственно возможный приговор по статье 279-й Воинского устава о наказаниях – смертную казнь через повешение...

– Но для такого порядка необходимо, чтобы местность была объявлена на положении усиленной охраны, Николай Павлович... Иного случая законом не предусмотрено...

Министр внутренних дел встал с дивана и подошёл к столу. Было видно, что он не совсем понимает, к чему клонит граф Игнатъев.

– Илларион Иванович! Что Вам мешает сегодня же объявить Москву на положении усиленной охраны? Или телеграфировать Великому Князю Павлу Александровичу, чтобы это сделал он? Хоть сегодня и Духов день,⁸⁷ придётся поработать во славу Отчизны и просить Государыню утвердить такую меру...

– Но будет ли это законно, Николай Павлович? – спросил министр. – Злоумышленники были арестованы в тот момент, когда положение усиленной охраны не действовало... Это может вызвать ненужные пересуды. Все мы прекрасно понимаем, что военный суд – это проформа, и что все эти одиннадцать молодых людей будут обречены на виселицу. Пепел Ивана стучит в моём сердце, и я, как никто другой, хочу истребить всю эту сволочь. Я никогда не прощу им смерть моего сына! Но не вызовет ли такой шаг власти опасное возмущение в обществе? Государю Николаю Павловичу так и не простили пятерых повешенных декабристов.

– Юридическая казуистика меньше всего меня волнует в данном случае. Закон даёт нам возможность обратиться к военному суду, так почему же мы должны чего-то стесняться? Ведь это просто случай помог охранному отделению обезвредить злоумышленников. А если бы террористам удалось реализовать свой преступный замысел? Нет, Илларион Иванович, общество ждёт от нас именно жестокости. Я говорю о здоровой части общества, а не про либеральных интеллигентов. Пора преподать жестокий урок, чтобы впредь все знали, что не только за совершённый акт террора, но уже за приготовление к таковому любого ждёт виселица. А впредь нужно быть готовым к возможным судебным процессам, а для этого нужно самым срочным образом новое Уголовное уложение о наказаниях и изменения в уголовное судопроизводство. Мыслимо ли, чтобы государственных преступников судили присяжные?

– Комиссия Фриша⁸⁸ уже передала в министерство юстиции проект нового Уголовного уложения, – ответил министр. – Я ознакомился и должен заметить, что остался весьма и весьма обеспокоенным... Я не сторонник кровопролития, но все ведь есть предел, и если вчера проект Фриша был возможен для использования, то не уверен, что теперь это допустимо.

Канцлер обратился к Плевле:

– Вячеслав Константинович! Я пока не знаю, что там насочиняли Фриш с его комиссией, но чует моё сердце, что либерализмом там разит за версту, от их проекта. А потому я Вас прошу, посмотрите, что они там сочинили и доложите мне. Четырнадцать лет сочиняли, теперь ещё год будут согласовывать и изучать, потом ещё в Государственном Совете будут обсуждать. А времени то у нас нет совсем. Террористы не дают нам времени на раскачку.

– Слушаюсь Ваше Высокопревосходительство! – кивнул головой Плевле. – Только либерального уложения нам сейчас и не хватало. В наших судах – либерал на либерале. Про-

⁸⁶ Принято 14 августа 1881 г.

⁸⁷ День Святого Духа – праздник, отмечаемый по православному календарю на следующий день после Дня Святой Троицы, предусматривающий особо строгий запрет на работу. В 1895 году выпал на 22-е мая.

⁸⁸ Фриш Эдуард Васильевич, действительный тайный советник, статс-секретарь. Сенатор. Член Государственного Совета с 1883 г.

куроры многие вместо того, чтобы защищать устои государства, вставляют палки в колёса, мешают работать полиции. Ищут любые формальные поводы, чтобы только освободить арестованных... Цепляются к каждому слову в протоколе. Возникает закономерный вопрос, на кого эти прокурорские чины работают, на государство, которое исправно платит им немалое жалование, или же на кого иного.

– Я знаю, Вячеслав Константинович, а потому буду просить Государыню учредить особую комиссию для преобразования порядка управления в Империи. Многое придётся менять. Многое и многих.

– Ваше Высокопревосходительство, – продолжил Плеве, – прошу обратить особое внимание не только на террористов-бомбистов, но и на разного рода кружки, в которых принимает участие всё больше и больше людей. Революционная пропаганда проникает через нелегальные интеллигентские кружки в легальные просветительские учреждения, в земства, в учебные заведения.

– Что же это, – спросил граф Игнатъев, – это революция? Или это новая смута?

– Пока что это лишь подготовка к революции, – ответил Плеве. –

Несомненно, бомбисты представляют угрозу, но все эти любители вести задушевные беседы, рассуждающие о всеобщем счастье, представляют не меньшую опасность для государственных устоев. А мы пока что не готовы эффективно бороться с такими вот агитаторами. Всё заканчивается административной высылкой, но разве можно напугать революционеров такой малостью? Нет, Ваше Высокопревосходительство, нужно беспощадно карать и карать всех этих болтунов. Все эти кружки, все эти разговоры и чтения – это те зубы дракона, из которых может вырасти революция.

Совещание закончилось, утвердив графа Игнатъева в мнении, что действовать нужно быстро и жёстко, а иначе победить внутреннего врага не удастся. Либеральные преобразования покойного Императора Александра Второго не только не были оценены подданными, но явно помогали тем из них, кто поставил своей целью расшатать устои государства. Суд должен быть, прежде всего, верным и верноподданным проводником и исполнителем самодержавной воли Монарха, должен быть солидарен с другими органами правительства во всех их законных действиях и начинаниях. Но ныне судьи и прокуроры превратились в верных защитников всякого сброда, проповедующего крамолу, а это значит, что нужно незамедлительно выстраивать новую судебную систему, пусть далёкую от европейских образцов, но действенную и эффективную...

В тот же день Императрица утвердила введённое в Московской губернии положение об усиленной охране, а уже 27-го мая Московский военно-окружной суд рассмотрел дело по обвинению Ивана Распутина, Алексея Павелко-Поволоцкого, Таисии и Александры Акимовых, Анастасии Лукьяновой, Степана Кролевца, Василия Бахарева, Ивана Егорова, Ивана Войнарского, Николая Пухтинского и Надежды Аракчеевой. Суд работал скоро и мгновенно оглашённый приговор был ожидаем – лишение всех прав состояния и смертная казнь через повешение. Для всех одиннадцати.

Весть о суровом приговоре для одиннадцати молодых людей мгновенно разнеслась по всей России и достигла Европы. Интеллигенция Петербурга и Москвы застыла в ожидании, будет ли приговор приведён в исполнение.

Московский генерал-губернатор Великий Князь Павел Александрович подтвердил приговор, но сразу же отправил телеграфную депешу на имя Императрицы с предложением помиловать осужденных, заменив смертную казнь каторгой.

Глава 10

Императрица, которой только исполнилось двадцать три года, впервые столкнулась с ситуацией, когда от её личного решения зависела судьба одиннадцати молодых людей. Она никогда не думала, что ей придётся когда-либо принимать решение, казнить или же помиловать, но вот этот критический момент, увы, наступил. Получив депешу из Москвы, Александра Фёдоровна утром 28-го мая пригласила к себе канцлера, министров внутренних дел и юстиции, Великого Князя Сергея Александровича.

От приглашения Победоносцева она отказалась, уже зная любовь обер-прокурора к длительным философским рассуждениям, навевающим скуку.

Александра Фёдоровна молча сидела в кресле, выслушивая по очереди мнения собравшихся. В чёрном фланелевом платье, с единственной бриллиантовой заколкой, бледная и величественная, с уставшими глазами. Предыдущую ночь она практически не спала, мучаясь от головной боли и недомогания, и сейчас ей очень хотелось уйти, спрятаться ото всех, чтобы не принимать никаких решений, чтобы забыть о террористах и казнях.

Рядом с ней сидела Елизавета Фёдоровна, которая пришла вместе с мужем, чтобы поддержать сестру в столь трудный момент.

Граф Игнатъев и Сергей Александрович категорически были против любых уступок, считая, что только жёсткая позиция власти может остановить террористов. Они в два голоса доказывали, что именно сейчас нужно найти силы и, невзирая на мнение продажной русской интеллигенции и на мнение замшелой Европы, преподать жестокий урок всем тем, кто посмеет хотя бы в мыслях посягнуть на жизнь царя.

Граф Воронцов-Дашков неожиданно проявил мягкость и высказался, что можно было бы помиловать четверых девушек, заменив им повешение каторгой.

– Зачем же превращать в героев этих одиннадцать человек, тем самым делая их примером для подражания? – вопрошал министр. – Зачем нам новые Перовские и Желябовы? Зачем нам создавать новые революционные легенды для неокрепших душ молодёжи?

Слушая министра внутренних дел, канцлер недовольно скривился и вспыхнул.

– Да помилуйте, Илларион Иванович! Имеем ли мы право сегодня проявлять гуманизм? Нет, я не жажду смерти этих девиц, отнюдь, уж поверьте на слово! И сердце разрывается на части при мысли, какие невыносимые горести ждут их родителей. Вы предлагаете отправить их на каторгу? Но тогда каждый в России будет знать, что можно замышлять царевубийство, можно готовиться к таковому, и даже если тебя поймают, то ты сохранишь свою жизнь! И вот тогда уж будут вам и новые Перовские, и новые Желябовы! Мы не можем позволить себе быть добренькими и тем самым создать условия для появления новых бомбистов. Что стоит та власть, которая не способна защитить сама себя? Гроша ломаного не стоит, будем уж откровенны. И все революции происходят там и именно тогда, когда власть оказывается слабой и безоружной. Девицам этим не повезло очутиться не в то время и не в той компании, это верно. Но казнь их послужит жестоким уроком для всех тех, кто ещё таит в себе преступные умыслы!

Министр юстиции Муравьёв имел отдельное мнение.

– Ваше Императорское Величество, – сказал он, глядя прямо на Императрицу, – данный приговор был вынесен в особых условиях, и, по моему мнению, является глубоко порочным. Мне достоверно известно, что заседание военного суда шло не более часа. Казалось бы, что все формальности были соблюдены, но можем ли мы говорить о том, что суд был беспристрастным, что суд досконально разобрался со степенью вины каждого из одиннадцати подсудимых? Если вина Распутина или же Бахарева не вызывает сомнения, то Пухтинский и Аракчеева не только не принимали участия в подготовке акта терроризма, но и высказывали своё отрица-

тельное отношение к террору как таковому. Но суровый приговор вынесен всем, в том числе и невиновным...

– Николай Валерианович! – нервно перебил министра Великий Князь. – Я читал документы! Как мне известно, Распутин вёл с Пухтинским и Аракчеевой откровенные разговоры, абсолютно не скрывая своего преступного замысла. Но ни Пухтинский, ни Аракчеева даже и не помыслили о том, чтобы сообщить властям о готовящемся злодеянии... А Вы говорите, что эти люди невиновны?

– Да, Ваше Высочество, Пухтинский и Аракчеева могут быть виновными в недонесении, при условии, что они осознавали серьёзность намерений Распутина. Но за недонесение предусмотрены Уголовным уложением иные наказания, но вовсе не смертная казнь. Немаловажно и то, что мы имеем дело со студентами, с людьми интеллигентными, в среде которых доносите́льство считается подлостью, а если учесть молодой возраст осужденных, склонность их к максимализму...

Великий Князь вскочил с кресла.

– Простите, Ваше Величество, – обратился он к Александре Фёдоровне, – я солдат, и не очень разбираюсь в юридической казуистике. Но у меня в голове не укладывается, как это может быть, чтобы студент Императорского Московского университета, узнав, что кто-то готовит злодеяние против особы Государя Императора, мог скрыть это и не сообщить властям. Николай Валерианович не желает понять, что бомбисты объявили нам всем войну, а на войне не до формальностей. Или власть жестокой рукой уничтожит крамолу, или же вот такие студенты-недоучки взорвут всю Россию. И тогда уже будет поздно, господа!

Сергей Александрович на мгновение задумался, как будто что-то вспоминая. Затем продолжил:

– Мне сейчас стыдно вспоминать, что четырнадцать лет назад я счёл возможным передать брату прошение Льва Толстого о помиловании цареубийц. Тогда я был искренне уверен, что нельзя начинать новое царствование с казни. Сегодня же я говорю, что никакое живое христианское чувство не может стать причиной для потакания цареубийцам. Пусть каждый получит по заслугам и пусть каждый несёт свой крест.

– Каюсь, Ваше Высочество, я тогда тоже просил отложить казнь цареубийц, чтобы не вызывать в обществе лишних волнений, – тихо сказал канцлер. – Но сегодня я понимаю, что был не прав. Любое милосердие будет воспринято обществом не иначе, как проявление слабости, а этого допускать нельзя! Террористы объявили войну престолу, а потому их надлежит уничтожить. И меньше всего меня в настоящий момент волнуют юридические тонкости! На войне нет времени на все эти фокусы!

Сергей Александрович взял со стола справку охранного отделения, нашёл нужное место и зачитал:

– Вот, извольте, «...гремучая ртуть, в шести сосудах, в количестве около фунта; пикриновая кислота, в количестве около 1/4 фунта; азотная кислота разной крепости, в шести сосудах... металлическая ртуть, в двух сосудах около 3/4 фунта; бертолетова соль...» Неужели Вам этого мало? Или Вы, Николай Валерианович, наивно считаете, что такие вот студенты-интеллигенты готовят свои бомбы лишь для царствующих особ? Так Вы не тешьте себя такой надеждой. Вы для них – опричник, держиморда и палач. И не дай Бог, чтобы вот такие вот милые студентики-интеллигентики пожелали покарать Вас за преданность престолу...

– Вашему Высочеству должно быть известно, что в 1881 году я возглавлял обвинение в процессе по делу о злодеянии первого марта, – твёрдо ответил министр юстиции. – И я просил для всех обвиняемых смертной казни... Смерти! Хотя с государственной преступницей Софьей Перовской мы были дружны в детстве. Её отец был псковским вице-губернатором, а мой – губернатором.

Елизавета Фёдоровна, которая до того не вмешивалась в разговор, не выдержала:

– Николай Валерианович! Я всегда стремилась найти настоящую и сильную веру в Бога, всегда старалась жалеть ближнего своего... Я имею доброе сердце! Но нечего жалеть тех, кто сам никого не жалеет! Эти люди переступили запретную черту, превратившись в животных. В животных, которые даже не раскаялись! Я согласна, что необходимо сделать всё, чтобы не допустить превращения революционеров в героев... Преступников нужно казнить и широко оповестить всех о такой казни, чтобы убить в них желание рисковать своей жизнью и совершать подобные преступления. Пусть умрут те, кто возжелал смерти русскому царю и царице! Но кто они и что они – пусть никто не знает... Пусть в газетах не будет имён казнённых, а тела их захоронить тайно, чтобы никто не знал об этом. Или же сжечь и развеять прах по ветру...

Наконец Александра Фёдоровна решилась. Тихим голосом, не глядя на окружающих, она произнесла:

– Сегодня утром я была почти готова к тому, чтобы проявить христианское милосердие и помиловать злоумышленников. Они молоды, у них у всех есть матери, которые будут невыносимо страдать... Но потом я на мгновение вспомнила первоапрельскую трагедию. Я вспомнила грохот, крики, кровь. Этот невыносимый запах дыма и крови... И страдания моего несчастного мужа... Злодеи должны быть наказаны, жестоко и справедливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.